

МОСКВИТАНИНЪ.

1853.

№ 22.

Ноябрь.

Кн. 2.

КРЕСТЬЯНКА.

Романъ въ 2 частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Хоть шуба овечья, да душа человѣчья.

ГЛАВА VIII.

Старыя погудки на новый ладъ.

Послѣ этого неудачнаго сватовства Иванъ Прохорычъ питалъ постоянное неудовольствіе на Аннушку: онъ никакъ не могъ простить ей, что она отказалась отъ такого выгоднаго жениха, лучше котораго онъ и представить себѣ не могъ. Старикъ видѣлъ въ этомъ только упрямство дочери, предполагалъ, правда, и остатокъ прежней любви, но мало давалъ цѣны этой привязанности, а еще ставилъ ее въ вину Аннушкѣ. Вслѣдствіе этого онъ обходился съ нею

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

СЛѢДЫ ДЕШТЪ-КИПЧАКА И ВНУТРЕННЯЯ КИРГИЗЪ-КАЙ- САЦКАЯ ОРДА (*).

Мѣстность отъ Царева до Киргизъ-кайсацкой орды. Степь. Происхожденіе Внутренней орды. Ставка хана Джангера. Управление ордою. Ханъ Джангеръ. Бытъ, вѣроисповѣданіе, образъ жизни и счисленіе Киргизъ-Кайсаковъ. Сходство именъ Кайсаковъ и казаковъ. Дорога къ горѣ Богдо съ окрестностями. Городокъ Селитрянный.

Остатки отъ Дештъ-Кипчакскаго царства нигдѣ не выказываются такъ рѣзко, какъ по лѣвому берегу рѣки Ахтубы, начиная отъ ея

(*) При археологическомъ изслѣдованіи Сарая, столицы Дештъ-Кипчакскаго царства, я давно имѣлъ желаніе осмотрѣть слѣды его по одной долигѣ Ахтубинской; но потомъ увлекаясь далѣе и далѣе, я вышелъ за предѣлы, назначенные самимъ мною, и постигъ: внутреннюю Киргизъ-Кайсацкую орду, калмыцкій Хошоутовскій улусъ и Астрахань, которыя также составляли достояніе Золотой орды. Я предпринялъ обзоръ мое въ 1851 году, въ половинѣ октября мѣсяца, и съ тѣхъ поръ записки мои лежали безъ движенія, по причинѣ другихъ занятій; но читающимъ нѣтъ охоты знать это, а посему скажу только, что записки эти представляю въ трехъ статьяхъ: I. Слѣды Дештъ-Кипчака и внутренняя Киргизъ-Кайсацкая Орда, II. Улусъ Хошотскій или Хошоутовскій, и III. Астрахань.

Для ознакомленія съ изложеніемъ, выпиcываю содержаніе каждой статьи.

I. Мѣстность отъ Царева до Киргизъ-Кайсацкой орды. Степь. Происхожденіе Внутренней орды. Ставка хана Джангера. Управление ордою. Ханъ Джангеръ. Бытъ, вѣроисповѣданіе, образъ жизни и исчисленіе Киргизъ-Кайсаковъ. Сходство именъ Кайсаковъ и казаковъ. Дорога къ горѣ Богдо съ окрестностями. Городокъ Селитрянный.

II. Дорога къ ставкѣ улуса Хошотскаго изъ городка Селитряннаго. Домъ владѣтеля и древнія вещи. Историческій обзоръ и водвореніе Калмыковъ по степнымъ берегамъ Волги. Раздѣленіе на улусы. Сословія улуса. Образъ жизни и свойства. Новорожденные. Увеселенія. Времясчисленіе и праздники. Богослуженіе. Ученіе Буддійское. Погребеніе.

III. Дорога изъ ставки Хошотской до Астрахани. Взглядъ на городъ и его жизнь. Происхожденіе Астрахани. Завоеваніе Астрахани. Кремль. Событія. Посѣщенія Петра В. Распространеніе торговли Армянъ, дарованіе имъ льготъ и уничтоженіе ихъ. Возстаніе при появленіи Пугачева. Свойство климатическое. Заселеніе Астрахани. Училища. Мѣстоположеніе города и его замѣчательности. Духовное управленіе. Нѣкоторыя пѣсни, пословицы и поговорки. Образъ жизни Армянъ. Словесность армянская.

истока изъ Волги до впаденія въ Волгу (1); развалины же Сарая, бывшей столицы Золотой орды, сосредоточенныя въ городъ Царевъ по лѣвому берегу той же рѣки, уже довольно изслѣдованы (2); но вознамѣрившись вникнуть въ слѣды бывшихъ селищъ монголо-татарскихъ, рассмотреть кочевье внутренней Киризь-Кайсацкой и Калмыцкой орды и нѣкоторыя ихъ мѣстности (3), я началъ осмотрѣть долины Ахтубинской.

Съ Царева до деревни Пологое-Займище я встрѣчалъ, на протяженіи 48 верстъ, курганы, отстоящіе другъ отъ друга въ разныхъ направленіяхъ, и насыпи земляныя, которыя служили маяками. Вдали виднѣются въ степи овальные холмики, весьма въ большомъ числѣ, въ родѣ могилъ, какія мнѣ не разъ случалось подвергать расконкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ покрыты травой и многіе запаханы; послѣдніе въ скоромъ времени сравняются съ землею. Случай можетъ открыть въ нихъ не одну вещь, если не цѣнную по металлу, то цѣнную для науки. По нынѣ тамъ попадаются древности. — Отъ Пологаго-Займища до деревни Батаевки, чрезъ селеніе Владимировку, на протяженіи 40 верстъ рѣдѣютъ насыпи и курганы,

(1) Ахтуба--татарское наименованіе и составлено изъ *акъ* бѣлый, *тебэ* бугоръ (бѣлый бугоръ), и вѣроятно, отъ того проименовалось такъ, что выходитъ изъ песчаной отлогости, въ родѣ бугра, вытекаетъ же изъ-подъ Верхне-ахтубинскаго или иначе Безроднаго селенія, и впадаетъ подлѣ Гурьевымъ, протекая болѣе 500 верстъ. — Осталась въ народѣ поговорка про Ахтубу: *Ахтуба пуста, а безъ караула не гулай*. — Конечно, эта поговорка родилась по уничтоженіи Сарая, когда вся его мѣстность обратилась въ пустыню, въ коей роились толпы бродягъ и хищныхъ дикарей — Киризь-Кайсаковъ и Калмыковъ.

(2) Царевъ находился въ Саратовской губерніи до 1851 года, но въ этомъ году онъ отчисленъ къ Астраханской, по случаю новооткрытой Самарской губерніи; онъ отстоитъ отъ Астрахани, считая по луговой сторонѣ, въ 331 верстъ, а отъ городка Селитряннаго въ 206 верстахъ.

(3) Принадлежавшія Золотой Орды. — Въ Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, кн. IV за 1851 годъ, напечатана статья Павла Небольсина: Инородцы Астраханской губерніи (о Кундровскихъ Татаряхъ), гдѣ онъ говоритъ между прочимъ (въ смѣси стр. 29): «знаменитыя развалины *Сархъ* (Сарай?), близъ Царева, простой русской народъ Царевского уѣзда не зоветъ иначе, какъ «Мамаевой земляной». Несправедливо: жители Царевского уѣзда вовсе не зовутъ развалины землянкою, потому что они не имѣютъ никакого понятія объ нихъ, но называютъ всякую вещь, тамъ открытую, какого бы рода ни была, *мамаевою*. О именovanіи же Кундровцами развалины *Мамаевою землянкою*, будто бы перенявшими *мѣтко* такое прозвище (выраженіе г. Небольсина) отъ царевскихъ жителей, мнѣ неизвѣстно и никогда не слыхалъ.

которые иногда какъ волны поднимаются на степной плоскости и могли произойти отъ наноса ветровъ (*).

Въ двухъ верстахъ отъ Батаевки, за пограничной чертой утзда, начинается степь Киргизъ-Кайсацкая, простирающаяся до Уральскаго хребта Оренбургской губернии.

Въ степи безлюдной не видно ни птицы, ни кустика; попадаются кибитки въ камышахъ, около нихъ тощій рогатый скотъ, красивыя лошади, овцы особой породы и верблюды. Кой-гдѣ мелькаютъ Киргизы, кои встрѣчаютъ и провожаютъ проезжаго подозрительными глазами. Первое, самое бѣдное станціонное мѣсто, это Хорохой, въ 35 верстахъ отъ пограничной черты. Въ немъ дворецъ и ханскій хуторъ; послѣдній устроенъ для содержанія скота. Этотъ дворецъ принадлежитъ зятю покойнаго хана Джангера, который живетъ въ немъ зимою. Не должно думать, чтобы это дѣйствительно былъ дворецъ,—это простой деревянный домикъ, мало чѣмъ отличающійся отъ сарая; въ комнатахъ нѣтъ никакой мебели, фасадъ зданія обращенъ къ забору, грязному и заваленному кучами навоза; около прохаживаются телята и свиньи; послѣднихъ держатъ Малороссiяне, живущіе въ двухъ землянкахъ; за дворцомъ,—мы именуемъ его по азіятскому тщеславію,—двѣ кибитки и двѣ землянки, въ коихъ живутъ почтосодержатель и ямщикъ, оба природные киргизы и объясняющіеся съ русскимъ знаками. — За Хорохоемъ раскинута та же сухая, безлюдная и полумертвая поляна, которая на 30-ти верстахъ до станціи Шугай утомляетъ глазъ своимъ однообразіемъ. Тутъ сердце тревожится отъ нечаянной и негостепріимной встрѣчи Киргизца, несущагося на легкомъ конѣ или на двухгорбомъ кораблѣ, фыркающемъ и кричащемъ пронзительно. Звукъ непріятный, слышанный издали, невольно настроивалъ чувство къ боязни, которая однако, при переѣздѣ лошадей у Шугая, была развлечена дѣтми природы. Полуобнаженные ребятишки выбѣгали изъ курной кибитки, кувыркались съ товарищами своей рѣзвости, собаками, вѣзали на колеса тарантаса и бросались подъ лошадей, играя съ ними: колокольчикъ зазвучалъ, и лошади потащились, ибо калмыцкія лошади не везутъ, а тащатъ. Тридцативерстная станція до Мостика измѣняла свою мѣстность: чаще появлялись кибитки, табуны лошадей и стада овецъ. — Отъ Мостика до ставки ханской, называемой Рынь-пески, 18 верстъ, и все это покрыто глинисто-солонцевато-песчаной почвою, не какъ прежде песчано-черноземной; за три

(*) Вся эта мѣстность и весь утздъ Царевскій населены преимущественно Малороссiянами, которые, однако, потеряли неподдѣльное простосердечіе, и языкъ, конемъ говорить,—смесь русскаго, словъ татарскихъ и калмыцкихъ.

версты отъ ставки, пески глубокіе, почти непроѣжаемые.—Самый легкій экипажъ не проѣдетъ по нимъ, потому и мой тащилъ двѣ пары быковъ.

Видъ ханскаго мѣстопробыванія, извѣстнаго подъ именемъ Рынъ-пески (*), произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе: это чистенькій и красивенькій городокъ, выстроенный ханомъ Джангеромъ въ 1827 году. Пробѣжимъ вкратцѣ исторію возрожденія Киргизъ-Кайсацкой орды, кочующей нынѣ между Оренбургской, Саратовской, Самарской и Астраханской губерніями.

Земли азійскія на сѣверъ и сѣверо-востокъ, были въ глубокой древности обитаемы народами неизвѣстными, коихъ Греки именovali вообще Скиѣами, а Аравитяне и Персіяне—Чете или Джете, Туркестаномъ, Тураномъ, Вера-Сейхуномъ и Кипчакомъ. Рѣка Сыръ или Сейхунъ была границею кочующимъ многообразнымъ племенамъ. Изъ этихъ степей вышли Киргизъ-Кайсаки (**), коихъ нѣкоторые принимаютъ за отрасль турецкаго племени; они сдѣлались болѣе извѣстными, когда Чингисъ-Ханъ (въ концѣ XII в.), обитавшій около границъ китайскихъ, подчинилъ ихъ своей власти; по смерти этого завоевателя они достались въ удѣлъ старшему сыну его Джучи, коего сынъ Бату былъ основателемъ Золотой орды и покорителемъ Россіи. Находясь подъ владычествомъ кипчакскихъ хановъ, они иногда имѣли своихъ хановъ, иногда присоединялись къ ордѣ Чагатайской, Алмальской и Тамкендской, прозванной потомъ Могуль-Улусъ. По разрушеніи Золотой орды, они присоединились къ татарскимъ отдѣльнымъ царствамъ, и тогда въ началѣ XVI вѣка появились въ степяхъ Кипчака и Чете два сильныя владѣнія: Могуль-Улусъ подъ управленіемъ хана Дадамъ, и Киргизъ-Кайсакъ подъ управленіемъ хана Арслана. Арсланъ былъ столь могущественъ, что могъ выставить 400,000 воиновъ; но по смерти его народъ остается какъ бы забытымъ на долгое время, и

(*) Правильное ихъ названіе Нарымъ-Кумъ. Первое слово калмыцкое, значить узкій, полоса узкой земли, а второе—татарское, значить пески. Нарымъ-Кумъ дѣйствительно представляетъ узкую полосу земли, въ родѣ языка, нѣсколько свернувшася. Ставка была прежде собственностью Калмыковъ, съ обширными степями, на коихъ были роцки и большіе лѣса, какъ разсказывалъ мнѣ одинъ семидесятилѣтній старикъ, хорошо знавшій эти степи въ своей молодости; но Киргизы все это вырубилъ. Наслѣдникъ калмыцкаго ханства Дондокъ-Даши, кочевалъ нѣкоторое время въ Рынъ-пескахъ, и въ 1747 году онъ вознамѣрился было перейти, со всею ордою, рѣку Уралъ, и открыть себѣ путь чрезъ земли Киргизъ-Кайсаковъ, Бухарію, Персію или Зюнгорію, но правительство уничтожило его предпріятіе построеніемъ нижеуральской линіи въ 1848 году.

(**) Киргизъ-Кайсакъ составлено изъ двухъ племенъ, враждебныхъ другъ другу: Киргизы суть дикіе Буруты, а Кайсаки—ихъ сосѣди бочевые.

кочуетъ, между многими странами, въ сѣверной части Сибири, коея послѣдній ханъ Кучумъ былъ родомъ Киргизъ-Кайсакъ. Въ началѣ XVII столѣтія они были властителями Туркестана, который служилъ мѣстопробываніемъ ихъ хановъ. Въ 1630 году владѣлъ Туркестаномъ ханъ Ишимъ (*) Сынъ его Джангеръ и внукъ Тявка повелѣвали всѣмъ Киргизъ-Кайсаками, но живя въ своей столицѣ, они управляли ими чрезъ своихъ намѣстниковъ, изъ коихъ Тюля надзиралъ за Большою ордою, Козъ-Бекъ за Среднею, а Айтязъ за Меньшею. Происшедшія внутреннія междоусобія при жизни Тявки и нападенія съ Востока Зюнгеровъ подъ предводительствомъ Хонтайдзи Галданъ-Цырена, привлекли вниманіе Россіи и Китая. Сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ, вошедшій въ сношенія съ Киргизъ-Кайсаками, по желанію Петра Великаго, склонилъ ихъ (въ 1717 году) къ повиновенію Россіи, и ханы: Тявка, Абуль-хайръ (потомокъ Усяка) и Калпъ (потомокъ Ишима), изъявили согласіе. Но смерть Тявки все уничтожила. Однако черезъ годъ Калпъ просилъ у Государя вѣчнаго мира и союза, потому что его орда проникла своевольно въ Казанскую губернію, производила опустошенія, и онъ боялся гнѣва Петра I. Между тѣмъ Галданъ-Цыренъ или Черенъ отнялъ у нихъ столицу Туркестанъ, Ташкентъ, Сайрамъ, и покорилъ своей власти нѣкоторыя отдѣленія Большой и Средней орды. Остатки ихъ откочевали къ Ходжанту и Самарканду (столица Бухаріи); а Меньшая орда къ предѣламъ Бухаріи и Хивы, потомъ поворотила къ рѣкѣ Эмбѣ; не остановилась здѣсь, перешла на правый берегъ рѣки Волги, вытѣснила Калмыковъ и заняла мѣста ихъ до Урала. Ханъ Абульхайръ, повелѣвая почти всею Меньшею ордою и думая о благосостояніи народа, отправилъ посланцевъ къ уфимскому воеводѣ Бутурлину (въ 1730 году), съ предложеніемъ подданства Россіи. Орды были обѣщаны защита и покровительство, и для приведенія ея къ присягѣ отправлены особые чиновники съ переводчикомъ мурзою Тевкелевымъ. Старѣйшина киргизской Меньшей орды, Букенъ-бай, весьма много содѣйствовалъ тому, что Киргизы присягнули на вѣрность Россіи (съ 1732 года), и Абуль-Хайръ признанъ ханомъ всей орды, коему дали отъ имени Императрицы Анны богатую, золотомъ оправленную саблю, которую онъ долженъ обнажать только противу враговъ Россіи (**). Со смертію Абуль-

(*) Дѣдъ Ишима—Джадитъ, или Джадикъ, а отецъ Шигай есть родоначальникъ Большой орды. Братъ Джадика, Усякъ, извѣстенъ другимъ родословіемъ, коего потомство въ одно время съ Джадиковымъ подчинилось Россіи въ 1730 году. — Орду называютъ Киргизы еще *юсъ*, означающее сто или сотню, напр. *Улу-юсъ* (большая сотня), *Урта-юсъ* (средняя сотня).

(**) Эта сабля хранится въ домѣ послѣдняго хана Внутренней орды, Джангера, въ ставкѣ Рынь-пески, умершаго въ 1845 году.

Хайра былъ провозглашенъ ханомъ, въ народномъ собраніи, старшій его сынъ Нурали (въ 1749 году), и оренбургскому губернатору Неплюеву предписано было возвести его въ ханы торжественно въ Оренбургъ, по примѣру отца его.—Болѣе прочныя сношенія съ Нурали, нежели съ отцомъ его, постепенно распространяли нашу караванную торговлю съ Хивой, Бухарою и Ташкентомъ, чрезъ нихъ съ владѣніями средней Азіи до самой Индіи. Нурали-ханъ, братья его Эрали и Айчуванъ, собирались овладѣть Хивою, и если бы ихъ предпріятія были приведены въ исполненіе, то Россія открыла бы въ то время торговый путь въ Индію и не встрѣчала того соперничества отъ Англичанъ, какое мы нынѣ видимъ. Екатерина Великая стремилась сдѣлать осѣдлыми Среднюю и Меньшую орды, чтобы этимъ обезпечить караванную нашу торговлю; намѣрилась привести въ дѣйствіе предначертаніе о построеніи, съ восточной стороны Каспійскаго моря, укрѣпленнаго городка при устьѣ рѣки Эмбы; построить тамъ дома для Киргизцевъ и дворецъ для Нурали; однако ея желанія встрѣтили препятствія. Въ 1773 и 1774 годахъ юго-восточная часть Россіи была приведена въ смятеніе появленіемъ Пугачева; ханъ Нурали собралъ значительное войско киргизское для отраженія его и выдавалъ нашему правительству бунтовщиковъ. Съ учрежденіемъ въ Оренбургъ особеннаго пограничнаго правленія (въ 1782 году), подъ названіемъ *Пограничной экспедиціи*, она подчинила Киргизъ непосредственному влиянію нашему и сблизила ихъ нѣсколько съ гражданской осѣдlostію; потомъ были открыты, среди орды, судебныя мѣста подъ названіемъ расправъ. Каждая расправа состояла изъ предсѣдателя и двухъ членовъ, которые въ общемъ присутствіи разсматривали и вершили дѣла; недовольнымъ рѣшеніемъ дозволялось переносить жалобы въ пограничный оренбургскій судъ.

Умеръ ханъ Нурали въ Уфѣ (1790 года), но завѣщаль дѣтямъ своимъ быть покорными Россіи, какъ новому отечеству. Нельзя не сказать, что завѣщаніе его произошло отъ сознанія безсилія своей орды, ослабленной внутренними раздорами и мятежами Сырымъ-Батыря, замышлявшаго соединить Среднюю и Меньшую орды и тѣмъ воскресить ихъ могущество; что самъ Нурали былъ много разъ наказываемъ нашими войсками, за намѣреніе отложиться отъ Россіи; что опытность показала ему, что мавившіе его Хивинцы, Бухарцы, частію Татары Крымскіе и даже Османы, во время нашихъ военныхъ дѣйствій противу Турціи, клонились къ низверженію его съ ханскаго владѣчества и къ присоединенію кочующихъ его ордъ къ другимъ землямъ. Со смертію хана, мятежникъ Сырымъ-Батырь

объявилъ себя властителемъ и снесся съ ханомъ хивинскимъ Аталыкомъ о взаимномъ вторженіи въ предѣлы Россіи.—Правительство наше, утвердивъ въ слѣдующемъ году султана Эрали, брата Нурали, въ ханскомъ достоинствѣ, успокоило Меньшую орду. Сырымъ-Батырь не переставалъ вредить ей, и Эрали, жившій постоянно близъ крѣпости Орской, въ построенномъ для него домѣ, умеръ послѣ трехлѣтняго управленія. Его мѣсто заступилъ султанъ Ишимъ, старшій сынъ Нурали, преданный Россіи и извѣстный личными достоинствами. Утвержденіе Ишима (въ 1795 году) оправдало виды правительства, которое, для огражденія отъ посягательства на его жизни, послало ему военный отрядъ, учредило при ханѣ, въ знакъ довѣренности къ нему, Диванъ или Совѣтъ ханскій, который былъ обязанъ исполнять волю хана, помогать ему въ дѣлахъ, и было повелѣно построить дома въ степи на урочищѣ Тайсуганъ, но чрезъ два года мстительный Сырымъ-Батырь, напавъ на него подъ красноярскимъ форпостомъ, умертвилъ разбойнически и разграбилъ все его богатство.—Управленіе ордою было возложено на вновь составленный Совѣтъ, образованный изъ шести совѣтниковъ, предсѣдателемъ коего былъ сдѣланъ Айчуванъ (*). Въ этомъ званіи они были утверждены барономъ Игельстромомъ, управлявшимъ вторично Оренбургскимъ краемъ, и баронъ первый подалъ мысль о возможности управлять ордою безъ хана. Совѣтъ ханскій получилъ свою осѣдность на рѣкѣ Хобдѣ, впадающей въ Ураль, съ лѣвой его стороны,—однако въ 1798 году былъ избранъ въ ханы Айчуванъ, коему былъ подчиненъ ханскій Совѣтъ. Ханъ доказалъ свою преданность къ Россіи, но устарѣлый, онъ не могъ дѣйствовать, потому возникли раздоры, грабежи каравановъ и нападенія на пограничныя наши мѣста. Множество Киргизовъ, кочевавшихъ постоянно близъ Урала, удалились въ глубину степей, иные соединились съ поколѣніями Средней орды, а другіе перешли къ устью Сыръ-Дарья, къ восточнымъ предѣламъ Аральскаго моря, иные же откочевали къ Хивѣ и Бухаріи. Айчуванъ, спасаясь отъ убійства, перешелъ Ураль; султанъ Букей, сынъ Нурали, занимавшій въ Совѣтъ, во время смятенія, мѣсто предсѣдателя, и кочуя вблизи астраханскихъ предѣловъ, рѣшился оставить навсегда степи за-уральскія, потому перешелъ въ урочище Нарымъ-пески. Послѣдовавшіе за нимъ Киргизы принадлежали большей частью къ поколѣнію байулинскому, нѣкоторая часть была изъ алимулинскаго.

Въ 1801 году онъ обратился къ главноуправлявшему Кавказскимъ краемъ и Астраханскою губерніею, генералъ-лейтенанту Кноррингу, съ изыясненіемъ своего желанія остаться въ вѣчномъ

(*) Сынъ хана Абуль-Хайра и родной братъ хановъ Нурали и Эрали.

подданствѣ Россіи, и просилъ дозволенія кочевать съ 10,000 кибитокъ на степяхъ, между рѣками Ураломъ и Волгою, и тамъ заводить селища для зимней прикочевки. Императоръ Павелъ охотно дозволилъ, и, въ знакъ благоволенія своего, наградиъ его золотою медалью для ношенія на шеѣ на черной лентѣ. Осенью того же года перешелъ Букей съ преданными ему султанами, въ эти степи, отделившись навсегда отъ Меньшой киргизской орды, и съ того времени возникла здѣсь новая орда, подъ названіемъ *Букеевской* или *Внутренней*, и подъ именемъ последней она извѣстна въ сношеніяхъ служебныхъ. При переходѣ Букея изъ-за Урала, переселились съ нимъ только 5,000 кибитокъ, какъ сказано въ донесеніи наказнаго атамана астраханскаго казачьяго войска, Попова; въ 1803 году возросло до 7,500 кибитокъ. Когда разоренные и истощенные внутренними раздорами соплеменники ихъ, приводили изъ-за Урала дѣтей своихъ толпою на продажу въ земли русскія, ибо нищета и голодъ довели ихъ до этой крайности; тогда подвластные Букею богатели, и чрезъ восемь лѣтъ ихъ стада и табуны покрыли новыя степи,—это возбудило охоту въ другихъ Киргизахъ послѣдовать ихъ примѣру.

Внутренняя орда образовалась: а) изъ поколѣнія Байулы, состоявшаго изъ 11 меньшихъ родовъ, какъ-то: Берче, Байбакты, Алача, Черкеса, Исенъ-Темира, Кизыль-Курта, Томина, Джабана, Адай, Маскара и Тазлара; б) изъ небольшой части рода Кита поколѣнія Алимуды; в) изъ небольшихъ трехъ родовъ: Табына, Тама и Кердери, изъ поколѣнія Джетиуругъ или Семиродцевъ; г) изъ Тюленгутовъ, составлявшихъ прислугу хановъ и султановъ; д) изъ нѣсколькихъ десятковъ кибитокъ рода Ходжи, происходящаго, по преданію, отъ святыхъ мухаммеданскихъ мужей; е) изъ нѣсколькихъ семействъ Ногайцевъ, присоединившихся еще къ Абуль-Хайру. Со времени образованія Внутренней орды считаютъ теперь 23,598 кибитокъ, полагая на каждую по пяти душъ, и потому нынѣ въ ордѣ 117,990 душъ.

Султаны, старшины и разные роды въ 1812 году, избрали единодушно ханомъ Букея, который въ этомъ званіи былъ утвержденъ нашимъ правительствомъ, а по смерти его перешла вся власть къ сыну Джангеру. По случаю частныхъ переходовъ Киргизовъ изъ-за Урала, дружественныхъ и родственныхъ ихъ связей между однородцами и обилію земли для кочевья, столь увеличилось число кибитокъ, что оказался недостатокъ въ земляхъ для новыхъ переселенцевъ, а потому дальнѣйшій пропускъ запрещенъ въ 1828 году. Происходившія до того времени нѣкоторыя волненія, отъ распространенія

ложныхъ слуховъ объ обращеніи Киргизовъ въ податное состояніе и набіраніи изъ нихъ рекрутовъ, были потушены своевременными распоряженіями. Самая перепись взволновывала ихъ много разъ, но Джангеръ поручалъ преданнымъ ему старшинамъ составлять списки частнымъ образомъ, и свѣдѣнія, ему доставляемыя, раскрывали большое размноженіе родовъ, совершившееся, такъ сказать, въ глазахъ одного поколѣнія, напримѣръ: Ногайцы, назадъ тому сто лѣтъ составлявшіе нѣсколько кибитокъ, возрасли болѣе нежели до 1,000.

Покойный ханъ Джангеръ, стремясь сдѣлать осязкою свою орду, положилъ основаніе городку или ставкѣ въ Рынь-пескахъ, въ 1827 году. Зданія въ ней, не исключая дворца, всѣ деревянныя и красуются правильностію; есть жилья въ два этажа. Лавки, базаръ и площадь наполнены ежедневно покупателями. Кромѣ природныхъ обитателей, живутъ здѣсь по нѣскольку десятковъ лѣтъ русскіе купцы, обзаведшіеся своими домами и производящіе торгъ весьма выгодно. Одинъ изъ таковыхъ торговцевъ пріобрѣлъ капиталъ болѣе нежели въ полъ-милліона рублей. Торговля производится не только простыми, необходимыми для общежитія товарами, но красными, и даже предметами прихоти—конфетами и вареньями. У всякаго купца непременно подъ домомъ лавка, у инаго до пяти, которыя замѣняютъ гостиный дворъ. — Жителей полагаютъ до 280 душъ мужскаго пола, въ томъ числѣ 180 Киргизъ-Кайсаковъ, 50 Русскихъ и 30 Армянъ. Русскіе имѣютъ молитвенный домъ въ зданіи казачьяго кордона. Ханъ очень желалъ, чтобы они выстроили церковь, по этому собраны уже деньги. — Изъ зданій примѣчательныя суть: училище (*), дома султановъ, дворецъ ханскій и мечеть; два послѣднія выстроены самимъ Джангеромъ. Занимая половину тѣхъ комнатъ, въ коихъ жилъ ханъ, я любовался мечетью изъ моихъ оконъ, предъ коими торчатъ жалкіе остатки деревьевъ отъ бывшаго нѣкогда сада; вслушивался въ протяжно-заунывный призывъ муэдзина, раздававшійся съ башни мечети на разные голоса, и возвыщавшій суннитамъ, чтобы они собирались къ намазу (молитвѣ); этотъ призывъ, по уставу Корана, провозглашался имъ пять разъ въ день, а именно: предъ разсвѣтомъ, въ полдень, предъ закатомъ солнца, немедленно по закатѣ солнца и спустя часъ по закатѣ солнца.

Проходя по улицамъ, пріятно всматриваться въ пестроту азиатской одежды, наблюдать повсюду движеніе, видѣть верблюдовъ, послушно несущихъ на своихъ хребтахъ по нѣскольку десятковъ пудъ

(*) Въ училищѣ, кромѣ татарскаго и арабскаго языковъ, изученія Корана съ принадлежащими къ нему постановленіями и обрядами религіозными, преподается русскій языкъ учителемъ русскимъ.

сна, дровъ, व्यюки товаровъ, хозяйственную посуду, женъ и дѣтей, покрикивающихъ отъ удовольствія. При увеличивающейся постройкѣ, ставка, къ-сожалѣнію, заметывается песками, по коимъ ходить даже трудно; въ окрестности ея почти горы песчанья, называемыя бурханами, которыя годъ отъ году умножаются отъ наносу вѣтровъ. Пока находился лѣсъ, который удерживалъ притокъ бурхановъ, была прекрасная поляна, испещренная цвѣтами и душистой зеленью. Они накаплиются преимущественно осенью, и предстоитъ опасность, что ставка покроется ими. Сколько ни тягостенъ для жителей такой наносъ, но столько же полезенъ онъ для снабженія ихъ хорошей водою. Стоитъ прокопать не болѣе поль-аршина, явится вода, притягиваемая песками.

Джангеръ при жизни своей управлялъ ордою непосредственно и имѣлъ свой Совѣтъ ханскій, который учрежденъ въ 1828 году. Совѣтъ состоялъ изъ двѣнадцати біевъ (совѣтниковъ), назначаемыхъ имъ по одному отъ каждаго родоуправителя, которые были обязаны содѣйствовать ему мнѣніями и свѣдѣніями. Ханъ, хотя самъ избиралъ біевъ, однако представлялъ ихъ на утвержденіе Оренбургской Пограничной комиссіи, ибо Внутренняя орда состояла и состоитъ подъ ея управленіемъ, и оренбургскій военный губернаторъ утверждалъ ихъ въ званіи. Маловажныя дѣла и жалобы разбиралъ самъ ханъ, въ присутствіи султановъ, біевъ и муллъ; рѣшалъ споры по народнымъ обычаямъ, какъ рѣшаются и по-нынѣ. Воровство, превышающее тридцать рублей серебромъ, грабежи, разбои и убійства, судятся Пограничной комиссіею по нашимъ законамъ. Замѣчательно, что рѣшенія Совета ханскаго оканчивали всѣ дѣла на мѣстѣ, и не было примѣра жалобы на несправедливое рѣшеніе хана. Джангеръ просилъ, чтобы ему дозволено было имѣть при себѣ русскихъ чиновниковъ, считая ихъ въ государственной службѣ. Онъ имѣлъ ихъ, но какъ людей по частнымъ его занятіямъ.—По смерти хана учрежденъ Совѣтъ временной, подъ управленіемъ роднаго брата его Аделя, съ наименованіемъ правителя и опекуна, двухъ совѣтниковъ, изъ коихъ одинъ—родной его братъ Менгли-Гирей, а другой—родной его дядя Чука-Нурали, коему отъ роду за 80 лѣтъ. Къ нимъ приданы въ помощь русскій совѣтникъ со стороны министерства Государственныхъ Имуществъ, письмоводитель и помощникъ его; послѣдній есть и переводчикъ татарскаго языка. Жалованье всѣмъ имъ изъ ханскаго дохода (закете). Переписка производится на русскомъ и татарскомъ языкахъ. Правитель-опекунъ и два совѣтника изъ родственниковъ не знаютъ грамоты и прикладываютъ только печати къ дѣламъ. На вопросъ: знаютъ ли они, къ чему прикладываютъ?

отвѣчаютъ: объ этомъ не надо спрашивать. Въ правленіи находятся: зеркало, портреты Государя Императора и покойнаго Джангера. Для надзора за ставкою и ея спокойствіемъ, командируются казачьи отряды изъ Астраханскаго и Уральскаго войскъ и содержится кордонъ. Во Внутренней ордѣ, дѣлимой на семнадцать родовъ, изъ коихъ она образовалась, каждый родъ имѣеть особаго своего родоправителя, и дѣлится еще на части или отдѣленія, коими управляютъ старшины. Обязанности ихъ и родоправителей состоятъ въ наблюденіи тишины и спокойствія, въ сборъ податей, отчетности, передаваніи распоряженій Временнаго Совѣта и приведеніи ихъ въ исполненіе. Въ десяти пограничныхъ съ ордою мѣстахъ находится еще по одному депутату для присутствованія при производствѣ слѣдствій.

Ханъ Джангеръ имѣлъ двухъ женъ: первая была изъ простыхъ Киргизокъ; отъ нея сынъ, Сеитъ-Гирей, остался безъ всякаго воспитанія и не наслѣдовалъ правъ отцовскихъ; вторая была дочь муфти оренбургскаго (епископа магометанскаго), и была довольно образованная: кромѣ народнаго своего языка, она знала русскій и нѣмецкій, бывала въ обществахъ и вела жизнь свѣтской женщины. Отъ нея было шесть дѣтей: четыре сына и двѣ дочери. Старшій Саибъ-Гирей, утвержденный въ княжескомъ достоинствѣ послѣ смерти отца своего, съ переименованіемъ въ Чингисы, потому что отецъ его производилъ свой родъ отъ завоевателя Чингисъ-хана, воспитывался въ пажескомъ корпусѣ и вступилъ въ права владѣтельнаго хана въ 1847 году, но вскорѣ померъ. Онъ былъ корнетъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, и состоялъ при оренбургскомъ военномъ губернаторѣ. — Три его брата воспитываются еще въ пажескомъ корпусѣ: самому старшему изъ нихъ, Ибрагиму, около 18-ти лѣтъ, среднему, Ахметъ-Гирею, около 14-ти лѣтъ, а младшему, Губай-Дула, около 13-ти лѣтъ. Изъ дочерей старшая, Зюлейка, вышла за-мужъ за полковника Тевкелева, живущаго въ Оренбургской губерніи, который командовалъ гвардейскимъ казачьимъ дивизіономъ (въ Петербургѣ), а младшая, Ходыча, воспитывается въ Оренбургѣ (*). При дочеряхъ жили гувернантки изъ нѣмокъ. Обѣ дочери получили образованіе европейское; домашніе, любя ихъ за мягкость нрава и доброту, именovali по-своему: Зюлейку звали *Гюль-Май* (розовое масло), а Ходычу — *Ходы-Джанъ* (душенька Ходы). Отецъ ихъ былъ человекъ образованный, и родъ жизни его былъ столичный: достаточно взглянуть на его комнаты, убранныя со вкусомъ. Стулья, кресла, диваны и зеркала выписаны имъ изъ Петербурга; картины, портреты семейные и его самого, развѣшаны по стѣнамъ, что по

(*) По частнымъ свѣдѣніямъ, въ 1851 году въ октябрѣ мѣсяцѣ.

закону магометанскому запрещается; по столамъ разставлены украшенія, между ними помѣщены глобусы земной и небесный, послѣдній съ показаніемъ движенія планетъ; подлѣ часы, на верху коихъ шаръ лунный, показывающій явленія ея четвертей. Въ особомъ отдѣленіи устроена зала пріемная для Киргизовъ, конхъ онъ угощалъ, сидя на разостланныхъ коврахъ; съ ними онъ пилъ и ѣлъ. Желая нравиться своей ордѣ, онъ придерживался ихъ обычаевъ, такъ что между ними былъ онъ тотъ же кочующій Киргизъ-Кайсакъ; между учеными—ученый; мнѣнія и разговоры его слушали съ удовольствіемъ. Онъ слѣдилъ просвѣщеніе и участвовалъ въ изслѣдованіи по восточной части, почему университетъ казанскій, цѣня его знанія и полезныя содѣйствія, сдѣлалъ его своимъ почетнымъ членомъ. Какъ уважалъ онъ это званіе и гордился имъ, доказывается тѣмъ, что патентъ, имъ полученный, хранится въ гостиницѣ въ золоченныхъ рамкахъ. Собирая вещи почему-либо рѣдкія, или изящныя, онъ любилъ собирать оружія, которыя помѣщаются въ особой комнатѣ, называемой оружейной, и состоятъ большей частью изъ восточныхъ пистолетовъ, ружей, саблей, шашекъ, ятагановъ, топориковъ, булавъ, кольчугъ, щитовъ и шишаковъ, крытыхъ серебряной и золотой чернью, и украшенныхъ дорогими камнями. Иныя съ надписью арабскою, а иныя съ куфическою. Въ числѣ саблей суть дарственные роду его отъ Царственнаго нашего дома, а именно: отъ Императрицъ—Анны, Елисаветы и Екатерины II, Императоровъ — Павла и Александра Благословеннаго. Между восточными ружьями хранится клинокъ сабли, похожей болѣе на шашку, которая жалована Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, неизвѣстно кому изъ хановъ (*). Украшенія клинка и надписи, съ обѣихъ сторонъ, арабскія, однообразныя, съ измѣненіемъ одного слова, а именно—на правой сторонѣ сказано: эль-кэбиръ (высокій, высокостепенный); а на лѣвой: эль-газизе (верховный); всѣ буквы крыты золотомъ и сохранились очень хорошо. Вотъ самая надпись: Барахметт-и-ляги таала нахлулъ мелликель-азымъ ханъ ве эмиръ ве кебиръ Михаилъ Ѳеодоровичъ маманике гуль велаяти урусъ, т.-е. «Мы Божіею Всемоущею милостію Государь Верховный (господствующій), Царь и владѣтель Великій Михаилъ Ѳеодоровичъ, обладатель всей державы Русской». — Съ краю этой надписи, между узорчатыми украшеніями, находятся арабскія слова, которыя можно читать такъ: Мюлла Надиръ, данишментъ багдади, 78, —т.-е. Мюлла Надиръ, художникъ изъ города Багдада, 78 (гиджры). На востокъ обыкновеніе у мастеровъ, означая на вещи

(*) Длина клинка въ прямомъ направленіи 27 верш., а ширина посрединѣ $\frac{3}{4}$ вершка; сталь его булатная и чистой работы.

свое имя, ставить городъ Багдадъ, въ какомъ бы мѣстѣ они не жили, такъ мнѣ объясняли природные Азіяты, знакомые съ подобными надписями. Такъ точно дѣлается по-нынѣ въ Россіи, какъ говорили тѣ же Азіяты, и посему не мудрено теперь читать подобную надпись съ именемъ Багдада, хотя эта сабля была работана въ Москвѣ.— Число же 78 означаетъ годъ гджры (магометанскаго лѣтосчисленія), которой сотенное число истерто (*).

Покойный ханъ хвалился мнѣ собраніемъ многихъ рѣдкостей, но изъ нихъ я только нашелъ одни оружія. Не могу умолчать, что онъ слѣдилъ наше народное образованіе, читалъ русскія сочиненія и изданія періодическія, изъ коихъ особенно ему нравились Сѣверная Пчела и Библіотека для Чтенія. Онъ отзывался объ нихъ съ уваженіемъ и почиталъ издателей. Доселѣ многіе въ степи знаютъ сотрудниковъ Пчелы и Библіотеки, и говорятъ—не Булгаринъ, а Оадей Венедиктовичъ Булгаринъ, не Гречъ, а Николай Ивановичъ Гречъ, не Сенковскій, а Осипъ Ивановичъ Сенковскій. Пчела читается не только въ глуши, но и въ Америкѣ. Мнѣ самому приходилось встрѣчать ее въ Берлинѣ и Парижѣ. Пусть нѣкоторые изъ нашихъ журналистовъ кричатъ о своей извѣстности, пусть трубятъ сами славу свою, а Сѣверная Пчела летаетъ со славою на Руси и питаетъ ее медомъ своимъ (**).

Джангеръ, за оказанныя имъ услуги при походѣ нашего войска въ Хиву, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и награжденъ звѣздою. Въ это время я видѣлъ его въ казачьемъ мундирѣ, который очень шелъ къ нему: ханъ былъ красивой наружности, съ черной длинною бородой. Близна и нѣжность его рукъ были рѣдкою принадлежностію и въ женскомъ полѣ, и красавица позавидовала бы имъ. Онъ былъ тихаго и скромнаго нрава, и очень добраго сердца: доселѣ оплакиваютъ его Киргизцы, ибо благодѣянія его были всѣмъ открыты.—Онъ умеръ въ 1845 году, кажется, на 45 году своей жизни. Я былъ на могилѣ его и поклонился праху добродѣтельнаго мужа. Надъ гробомъ его построена усердными Киргизцами четырехугольная раскрашенная ограда, въ коей похоронены его жены и дѣти; надъ могилою посажено дерево.

Не смотря на дикую жизнь Киргизовъ, ханъ умѣлъ обузывать ихъ своевольство и обложилъ повинностями, которыя были трехъ родовъ: а) *закете* и *сугумъ* для хана, б) *сугумъ* для родо-

(*) При составленіи описи оставшемуся послѣ смерти хана разному имуществу и вещамъ, дарственные сабли отъ царственныхъ особъ не были подведены подъ оцѣнку, какъ неоцѣненные.

(**) Г. Покровскій замѣтитъ вѣроятно: «правильнѣе—питается медомъ ея», ибо пчела собственно не разноситъ меда, а собираетъ его. *Прим. Ред.*

начальниковъ, и в) сборъ особый для содержанія ханскихъ разсылныхъ. Зякете установленъ Магометомъ, а сугумъ и сборъ особый введены Джангеромъ. Происхожденіе зякете объясняется въ книгахъ Корана и Хадисе (1); въ послѣдствіи смыслъ этой подати былъ разъясненъ и утвержденъ соборомъ муджтеидовъ (2), который изложилъ его въ книгахъ Матуне и Шрухъ (3). Въ Коранѣ сказано: *исполняйте моленіе и производите зякете*. Въ Хадисе: *отдавайте зякете съ вашего имляя*. Соборомъ муджтеидовъ, въ книгахъ Матуне и Шрухъ: *послѣдъ пріношеніе зякете есть общее постановленіе для послѣдователей Пророка (Магомета), существующее съ самыхъ первоначальныхъ временъ до настоящихъ дней, и ни одинъ мусульманинъ не вооружается противу святости такого учрежденія, то уклоняющійся отъ зякете да будетъ отступникъ впры! опровергающій же да будетъ совратитель!* — Зякете означало собственно излишество, а по шаригату (закону общему) пріношеніе отъ избытка, опредѣлено однако Нисабомъ (4): *никто не долженъ разсуждать: справедливо ли или несправедливо, сообразно ли или несообразно условію и узаконенію, постановленіе владѣтеля о взиманіи зякете; но всякій долженъ повиноваться безпрекословно и вносить слѣдующую съ него часть*. На этомъ основаніи Джангеръ, какъ послѣдователь и хранитель Корана, объяснялъ свой зякете, который простирался до 80,000 руб. сер. для поддержанія достоинства ханскаго и его семейства, на расходы духовенства, устроеніе мечетей, благотворенія и полезныя учрежденія. Сугумъ собирался скотомъ для угошенія, по народному обычаю, пріѣзжавшихъ въ ставку Киргизовъ. Сугумъ для родоначальниковъ былъ взносъ добровольный, потому что они несли обязанности управленія родами и пеклись о нуждахъ вѣреннаго имъ народа; сборъ особый на содержаніе разсылныхъ, простиравшійся до 1,850 руб. сер., введенъ для сношенія съ султанами, родоначальниками, и для содержанія почтъ.

Въ быту киргизскомъ скотоводство составляетъ единственное занятіе; хотя оно не такъ обширно, однако насчитываютъ, приблизительно: верблюдовъ 58,903, козь 131,171, рогатаго скота 158,792, лошадей 229,173, овецъ 1,092,476; всего 2,500,345 головъ. Есть кибитки, которыя имѣють по 6,000 головъ скота, чѣмъ ще-

(1) Хадисе есть собраніе изрѣченій и проповѣдей Магомета.

(2) Они были намѣстники и хранители закона послѣ смерти Магомета.

(3) Матуне и Шрухъ книги, заключающія въ себѣ основанія и толкованія религіи: первая объясняетъ сокращенно, а вторая подробно.

(4) Нисабъ слово арабское, значитъ основаніе и условіе.

славятся другъ предъ другомъ, ибо этимъ обнаруживаютъ свое богатство. У кого большіе табуны, тотъ вельможа, аристократъ. Скотъ прекрасной породы, лошади хотя очень красивыя по наружности, однако негодятся въ упряжь, и самая лучшая киргизская тройка пристанетъ на двадцативерстномъ разстояніи, и потомъ везетъ съ большимъ трудомъ. Обывательская тройка изъ русскихъ лошадей гораздо сильнѣе и здоровѣе: на такомъ разстояніи она не пристанетъ,—это испытано мною. Киргизскія лошади, какъ увѣрили меня, хороши для ѣзды верховой, потому что онѣ неумоимы,—но это также неосновательно: въ двухчасовую ѣзду до того изнурились хваленныя лошади, что нужно было долго водить ихъ, пока онѣ, такъ сказать, пришли въ себя. Говорю по опыту.

Киргизы пекутся о размноженіи скотоводства, потому что оно кормитъ ихъ, ибо мясо—главная ихъ пища, хотя входитъ въ употребленіе хлѣбъ. Весьма большое количество скота истребляется обычаями гостепріимства, постановленіями магометанскими, чтобы въ день Курбанъ-бейрама (жертва Божественная) приносить его въ жертву: тогда самый бѣдный тащитъ барана, а зажиточный не меньше трехъ коровъ. Въ бѣдственные 1844 и 1845 годы, ознаменованные глубокими снѣгами и продолжительными морозами, погибло весьма много скота. Старожилы помнятъ, что около 40 лѣтъ тому назадъ Киргизская степь была покрыта множествомъ кустарниковъ и хорошими пастбищами, а теперь она прорѣзывается грядами большихъ сыпучихъ песковъ, и скотъ терпитъ большой недостатокъ въ травѣ; мѣстами пересѣкается солонцоватыми топями и грязями (хакками), губительными въ зимніе бураны, коими скотъ заносится сюда. При обыкновенномъ бездождіи и нестерпимыхъ жарахъ, сохнутъ и выгораютъ травы, между тѣмъ какъ орду окружаютъ богатые губерніи, изобильныя хлѣбородіемъ и водами. Внутри ея нѣтъ ни рѣкъ, ни рѣчекъ, постоянно текущихъ. На границахъ ея со стороны Войска Уральскаго протекаетъ небольшая рѣчка Малой Узень, со стороны Саратовской губерніи, рѣчки Торгунъ и Паника. Въ нихъ водится самая мелкая рыба, ловомъ которой не занимаются Киргизы.

Въ ставкѣ ханской бываютъ двѣ ярмарки, открытыя въ 1832 году: первая весенняя, начинающаяся съ 15 апрѣля и оканчивающаяся 15 мая, а вторая осенняя, съ 15 сентября по 15 октября. Въ весеннюю собирается очень много покупателей скота изъ отдаленныхъ, внутреннихъ губерній; съѣзжаются торговцы съ красными товарами изъ губерній Астраханской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Казанской, Оренбургской и другихъ. Обѣ ярмарки очень

сильно содѣйствуютъ обогащенію ставки и умственному развитію кочующаго народа.

Киргизы вѣроисповѣданія мугаммеданскаго, обряда суннитскаго (*). У нихъ долгое время не было нужнаго числа духовенства, кромѣ нѣсколькихъ муллъ казанскихъ, но Джангеръ употребилъ всѣ возможные старанія объ образованіи у себя духовенства, изъ своихъ Киргизовъ, почему отдавалъ учиться въ школы оренбургскія, и къ лучшимъ мулламъ, жившимъ по разнымъ мѣстамъ своей орды, не только дѣтей, но и взрослыхъ. Въ теченіе двадцатилѣтнихъ усилій онъ достигъ цѣли: природными Киргизами замѣстилъ мѣста муллъ при кибиткахъ и главной мечети. Въ настоящее время находятся при ставкѣ: ахунъ съ нѣсколькими муллами, а въ ордѣ около 139 муллъ, по одному на 170 кибитокъ. Духовенство не имѣетъ никакихъ особыхъ правъ и содержаніемъ пользуется отъ добровольныхъ приношеній за отправленія обрядовъ религіозныхъ и обученіе дѣтей. Ахунъ и муллы въ ставкѣ содержались при жизни хана, кромѣ приношеній, пособіями его. Они наблюдаютъ за исполненіемъ обрядовъ своихъ суннитовъ, побуждая къ тому увѣщаніями, почему каждый киргизъ считаетъ за обязанность бывать въ мечети хотя одинъ разъ въ день; болѣзнь только можетъ остановить его. Въ мечеть входятъ и молятся въ нихъ въ шапкахъ, нѣкоторые входятъ босоногіе, не взирая на холодъ ибо Кораномъ повелѣно: «да войдетъ правовѣрный, отряхнувъ прахъ отъ своихъ ногъ и очистивъ ихъ отъ всякой нечистоты».—Этому правилу не слѣдуютъ въ точности, и я видѣлъ изъ всѣхъ молящихся одного мальчика босоногого во время холодное: было видно, что онъ дрожалъ. Входящій въ мечеть идетъ прямо, не смотритъ никуда, и остановившись почти на половинѣ, произноситъ про себя молитву, потомъ прикладываетъ къ ушамъ руки, продолжаетъ читать свою молитву, затѣмъ падаетъ ницъ на землю, или, сдѣлавъ нѣсколько поклоновъ, садится, поджавъ ноги, и молится уже, кланяясь и вздыхая. — Изъ женщинъ никто не входитъ въ мечеть, и онѣ, какъ бы отлученныя отъ Бога и недостойныя молиться Ему, проводятъ всю свою жизнь въ рабствѣ и грубости, отнюдь не понимая своей тягости. Сроднив-

(*) Извѣстно, что Персіане, *шіитскаго* вѣроисповѣданія (правовѣрнаго), упрекаютъ Киргизовъ въ расколыничество, а приверженцы суннитскаго называютъ ихъ въ замѣнъ раскольниками, отъ того у нихъ распря доходитъ до фанатизма, какъ это было въ Европѣ по случаю споровъ о чистотѣ вѣроисповѣданія. Персіане зовутъ Татаръ въ насмѣшку Татарами, объясняя, на своемъ языкѣ, ихъ происхожденіе отъ *та*тъ невѣрный и *аръ* принимающій, т. е. принимающіе невѣрную, расколыническую вѣру.

шись съ дѣтства съ мыслию, что онѣ созданы для мужчинъ, онѣ и умирають съ тою же мыслию.

Поклоняющіеся исламу запечатлѣли его остатками идолопоклонства. Они вѣрятъ духу доброму, *худай*, и злему, *шайтану* (чорту). Они думаютъ, что не признающіе ихъ корана могутъ быть мучимы для блага религіи. Вѣрятъ, что души покойниковъ сходятъ на землю со звѣздъ. Считаютъ того усопшаго святымъ, надъ прахомъ котораго выростетъ большое дерево; и этого достаточно для внесенія его въ свой молитвенникъ. Живое являются у нихъ святые, которые, не имѣя средствъ къ дневному пропитанію, одѣваются въ лохмотья, бродятъ между кибитками, гадаютъ, предсказываютъ или произносятъ молитвы страннымъ голосомъ, призывая на свою помощь духовъ. Лурунчи или Джаурунчи (колдуны) гадаютъ по бараньимъ костямъ: положивъ ихъ на огонь, замѣчаютъ трескъ, и по нему видятъ все на свѣтѣ. Рамчи (прорицатели) предсказываютъ по цвѣту пламени, коимъ пылаетъ брошенное въ огонь баранье масло. Джудзучи (астрологи) гадаютъ по звѣздамъ, утверждая, что въ нихъ переселились знакомые имъ духи. Разсказывали мнѣ, что еще найдутся изступленные прорицатели, называемые *бакси*. Являясь въ рубищѣ и съ потупленными глазами, бакси беретъ *кобызъ* (родъ скрипки), садится, потомъ пропзительно поетъ и играетъ, коверкается постепенно, пока не заклубится пѣна во рту. Тогда, бросая кобызъ, вскакиваетъ, трясетъ головою и зоветъ духовъ. Послѣ, тутъ же разсказываетъ, чтѣ говорили ему духи.

Хотя давно твердятъ свѣту: лѣность есть мать пороковъ, однако иной Европеецъ не внимаетъ этому; чтѣ же до Азіятца, то его должно извинить, ибо онъ вовсе не знаетъ ни этой поговорки, ни послѣдствій лѣности; напротивъ, онъ думаетъ, что достоинство и важность въ томъ-то и состоятъ, чтобъ ничего не дѣлать, лежать на боку и болтать, чтѣ придетъ въ голову: такъ поступаютъ Киргизы, начиная отъ простолюдина до аристократа; если хотите, то султаны подають примѣры. Собравшись, нѣсколько пріятелей садятся на коврахъ, въ кибиткахъ ли это, или въ домахъ, — извѣстно, что они чуждаются мебели, — и разговариваютъ почти всю ночь. О чемъ же говорить? Подумаетъ кто-нибудь, что они бесѣдуютъ о благосостояніи вѣтренныхъ имъ кибитокъ, — нимаго: толкуютъ о пропавшей овцѣ: какой она шерсти, годовая-ли, и какъ пропала? Одни разсуждаютъ объ ней съ важностію, — другіе слушаютъ съ величайшимъ вниманіемъ. Если кто потянется или вздремнетъ, тотъ считается за злаго, не-сострадательнаго къ пропавшей овцѣ. — Всякая мелочная вещь, ничтожная новость, занимаетъ ихъ гораздо болѣе, нежели дѣло полез-

ное. Не умѣя различать истиннаго занятія отъ пустословія, они охотно слушаютъ всякій вздоръ и вѣрятъ всему. Самая наружность Киргиза выражаетъ лѣнность и безпечность. Посмотрите на очеркъ лица: носъ нѣсколько приплюснутый, мускулы выдавшіеся, лобъ широковатый, глаза небольшіе, губы нѣсколько толстыя, ротъ и подбородокъ маленькіе, уши прямыя, прижатые, лицо смуглое, почти оливковатое, руки жилистыя и тѣло крѣпкое. Мужчины и женщины большей частію средняго роста. Мужчины отпускаютъ небольшія бороды и усы, подстригая ихъ; волосы на головѣ бръютъ; цвѣтъ волосъ чернѣйшій, почти лоснящійся, и такой цвѣтъ встрѣчалъ я преимущественно между женщинами. Одеваются въ чапаны, называемые ими халатами, всегда длинныя и пестрыя разноцвѣтныя; во время зимы они опушиваются мѣхомъ. Шапка, называемая малахай, спускается на спину въ родѣ капишона, виски прикрываются опущенными наушниками. Дѣлаются малахай нарядные, которые суть остроконачные, наподобіе колпаковъ, и весьма высокіе. Въ шапкахъ являются въ Свѣтъ, не снимаютъ ихъ ни предъ султаномъ, ни предъ ханомъ. Щеголи носятъ шапки круглыя, какъ малороссійскія, опущенныя мѣхомъ, съ круглою верхушкою краснаго цвѣта; такіе же шапки носятъ дѣвушки и женщины; послѣднія повиваютъ еще голову кускомъ бѣлаго полотна, въ родѣ повойника, коего концы, довольно длинныя, лежатъ на спинѣ, и такой уборъ весьма схожъ съ малороссійскою серпанкою. Дѣвушки повиваютъ голову красной матеріею; невѣсты надѣваютъ на голову колпакъ съ узкими полями, вышиною около аршина, который унизываютъ камешками и побрякушками. Волосы какъ женщины, такъ и дѣвицы, заплетаютъ. Женщины раздѣляютъ ихъ на двѣ или на три косы: двѣ висятъ по плечамъ, а третью обшиваютъ въ бархатъ. Иногда вмѣсто послѣдней привязываютъ лопасть, украшенную кистями, лентами и бляхами. Дѣвушки заплетаютъ многія тоненькія косы, унизывая ихъ серебряными бляхами, змѣиными головками, цвѣтными камешками, бубенчиками и бисеромъ, къ концамъ привѣшиваютъ ленты, шнурочки и кисти.—Одежда бѣднаго состоитъ изъ двухъ и одной рубашки, и халата изъ самаго грубаго полотна, ергака, въ родѣ длиннаго чапана, выдѣлываемаго изъ жеребьячей шкуры, и овчиннаго тулупа. Люди состоянія посредственнаго носятъ халаты полуселковые, зажиточные ергаки лучшей отдѣлки, лисьи шубы, кафтаны и шелковые халаты, съ опушкою или бахрамою бархатною и золоченною. Подпоясываются шерстяными и шелковыми поясами, но отличительный и почетный уборъ обоюго пола, это халатъ. Въ правленіи Временнаго Совѣта я видѣлъ служащихъ—въ пестрыхъ шелковыхъ халатахъ.

На вопрос мой: можно ли такъ быть въ Совѣтъ? переводчикъ отвѣчалъ мнѣ: не только можно, но должно, потому что этотъ нарядъ служебный и почетный въ обществѣ.—Послѣ этого мы невѣжи, являясь къ высокостепеннымъ особамъ въ сюртукахъ.—Дѣвическій нарядъ отъ женскаго отличается только головою повязкою и сапогами на высокихъ подборахъ, около полутора вершка, и этимъ щеголяютъ: ходятъ на нихъ очень скоро и по нѣскольку верстѣ. Любятъ навѣшивать побрякушки, и имъ нравится брячаніе. Оба пола, начиная съ дѣтей, ѣздятъ верхомъ на лошадяхъ и верблюдахъ; повозокъ никакихъ не знаютъ. Женщины, какъ и мужчины, сидятъ верхомъ ловко и такъ твердо, какъ бы на стулѣ. Одѣтыя въ шелковое полукафтанье и съ повойникомъ на головѣ, съ развѣвающимися на спинѣ длинными концами, онѣ рисуются въ своей свободной и непринужденной скачкѣ, такъ что свѣтская наѣздница позавидовала бы ихъ искусству. Многія стрѣляютъ мѣтко. Мужескій и женскій полъ, проводя жизнь въ кибиткахъ, не любитъ движеній, отъ чего отъ природы ленивы, неповоротливы и равнодушны къ улучшенію собственному. Довольствуясь кускомъ мяса, называемаго маханомъ, и супомъ, приготовленнымъ изъ муки и горячей воды, называемымъ буданомъ, они не ищутъ болѣе; хлѣбъ употребляется очень мало. Любимое и прославленное питье кумысъ употребляютъ одни зажиточные, равно какъ и чай кирпичный. То и другое я пилъ съ удовольствіемъ. Кирпичный чай отъ того называется такъ, что онъ продается плитамъ наподобіе кирпичей и стѣитъ до 1½ руб. сер. Отрѣзавъ опредѣленную часть, кладутъ въ чайникъ и кипятятъ около двухъ часовъ, потомъ прибавляютъ соли и чухонскаго масла, а бѣдные бараньяго сала, и подаютъ въ особыхъ чашкахъ, равняющихся вмѣстимостію до четырехъ стакановъ; таковыхъ чашекъ выпиваютъ съ хлѣбомъ по три, а иногда по четыре. Русскіе пьютъ охотно, особенно живущіе съ ними, и увѣрили меня, что, бывъ пресыщены имъ, работаютъ свободно до полудня. Сытность и легкость я самъ испыталъ, и нѣкоторые рассказывали мнѣ, что этотъ чай истребляетъ геморрой, и что многіе избавились отъ него. Къ числу кушаньевъ принадлежитъ еще *бишъ-бармакъ*. Это—крошево изъ бараньяго мяса, смѣшаннаго съ кусочками сала (*).—Изъ сала и жира готовятъ колбасы, имѣющія вкусъ кровяныхъ нѣмецкихъ (*Brustwurst* и *Leberwurst*).

Киргизы гостепріимны и стараются угостить, чѣмъ только могутъ. Будучи склонны къ лукавству и пріобрѣтенію, они нѣрѣдко

(1) *Бишъ-бармакъ* татарское слово, *бишъ* значитъ пять и *бармакъ* палецъ; дано ему это названіе потому, что ѣдятъ пятью пальцами. Это кушанье не понравилось мнѣ.

измѣняютъ самому гостепріимству, почитаемому вездѣ священнымъ. Не накормить или обидѣть гостя, это поношеніе не только одной кибиткѣ, но цѣлому роду. Если Киргизъ-кайсакъ завидѣлъ вещь и она понравилась ему, то онъ начинаетъ выхвалять ее, и хвалить дотолѣ, пока не подарятъ ему. Не догадывающійся, или не желающій подарить, подвергается опасности жизни. При входѣ моемъ въ одну кибитку, женщины, осматривая мою одежду, хвалили ее, особенно имъ нравилась шуба изъ черныхъ лоснящихся мерлушекъ. Старуха сказала потомъ чрезъ переводчицу: какъ хорошъ мѣхъ! желала бы носить такой и я. Кто ты такой: хозяинъ ли или чиновникъ?—Для чего она спрашиваетъ? спросилъ я.—Больно ей понравилась твоя шуба, отвѣчала она. Не понимая смысла, къ чему такъ нравилась шуба, я разсматривалъ внутреннее устройство жилья; но видно было, что старуха оставалась недовольною, что я все еще въ шубѣ.—Мнѣ разсказывали потомъ, что Киргизъ, забывъ гостепріимство, ограблялъ или убивалъ гостя и зарывалъ его въ такое мѣсто, что концы, какъ говорится, въ воду. Сколько я могъ самъ замѣтить, Киргизъ-кайсаки сребролюбивы, хитры и пронырливы, охотники погулять на чужой счетъ, и если имъ достается даромъ попить, то пьютъ до омертвѣнія. Весьма сладострастны, и при видѣ хорошенькой женщины обнаруживаютъ порывы кипучіе. Женившись на самой миленькой, обращаютъ ее въ работницы и рабыни. Они женятся не для того, чтобы любили впоследствии своихъ женъ и дѣтей, или заботились бы объ ихъ благосостояніи; нѣтъ, для того, чтобы самому ничего не дѣлать, жить въ одномъ чувственномъ наслажденіи, а жены работай на него. Собирается-ли мужъ ѣхать куда-либо, — жена одѣтъ его, осыдлай ему лошадь, посади на нее и запаси ему съѣстнаго на дорогу. Возвращается ли мужъ домой,—жена поди сними его съ лошади, разсѣдай, накорми, напои ее, и смотри, чтобы кто не угналъ съ пастбища. Жена приготовь и подай ему кушанье, а онъ, поджавъ ноги, садится ѣсть одинъ; жена, стоя предъ нимъ съ дѣтьми, не смѣетъ дотронуться ни до махана, ни до будана, пока онъ не насытится. Если бы она подала ему кусокъ баранины вѣсомъ въ пятнадцать фунтовъ, то онъ постарается все съѣсть, а она, сложя руки, смотритъ, какъ онъ *уписываетъ* и бросаетъ ей съ дѣтьми однѣ обглоданныя кости, которыя тутъ же хватаются на-перерывъ дѣтьми и собаками.

Отецъ, не имѣя никакого попеченія о дѣтяхъ, выдаетъ дочь за-мужъ и женить сына для того только, чтобы избавиться отъ нихъ. По причинѣ многоженства, браки совершаются у нихъ такъ легко, что у насъ гораздо труднѣе познакомиться. Въ день самага

бракосочетанія ни женихъ, ни невѣста не вилятся, и сидятъ въ отдельныхъ комнатахъ или кибиткахъ. Является мулла, прочитываетъ молитву одному жениху и благословляетъ его на бракъ. Можно жениться безъ муллы, стѣитъ сказать при свидѣтеляхъ: *алдымъ* (беру), а ему отвѣчаютъ *бердымъ* (отдаю). Послѣ произнесеннаго алдымъ, женихъ не можетъ отказаться, но онъ не можетъ взять невѣсту съ собою, пока не внесетъ за нее положеннаго калыма: онъ имѣетъ право посѣщать ее во всякое время и проводить съ нею ночи. Про таковыя браки рассказывали мнѣ довольно. Однажды киргизъ повстрѣчалъ въ степи ѣдущую съ матерью дочь, которая ему очень понравилась. Онъ угождалъ имъ во всю дорогу и съ ними прѣхалъ до ихъ аула. Приглашенный войти въ кибитку, онъ былъ угощенъ ими. По прошествіи нѣсколькихъ часовъ, онъ сказалъ матерѣ алдымъ, которая отвѣчала ему, что она не согласна на бердымъ, потому что при нихъ нѣтъ ни муллы, ни свидѣтелей. — Ничего, матушка, я самъ мулла (*), чтѣ же до свидѣтелей, то они вотъ. Онъ закричалъ на ближнія кибитки: будьте моими свидѣтелями, алдымъ! Тогда мать была принуждена сказать бердымъ, но не прежде отпустила къ нему дочь, пока онъ не внесъ сполна калыма (**).

Въ обхожденіи Киргизы по-видимому просты и оказываютъ почтеніе старшинамъ. Приветствуютъ другъ друга поданіемъ руки. Простолоудинъ подаетъ свою руку хану, который не чуждается послѣдняго байчума (бѣдняка), — это народный обычай. Большимъ уваженіемъ считается, если одинъ протянетъ руку, а другой, положивъ ее на свою ладонь, прижметъ и пріударитъ своею рукою. Женщины приветствуются между собою одними вопросами—о здорově, кочевьѣ, и хвалятся, кто болѣе услуживаетъ мужу, собираетъ и устанавливаетъ кибитку, куда прикочевывается и избираетъ мѣсто ставки, чтобы только угодить мужу. Не смотря на раболопную подчиненность и многоженство, часто гнѣздится въ сердцахъ женщинъ ревность,—отъ коей нерѣдко изсыхаютъ. Любя своихъ мужей, онъ даютъ имъ самыя нѣжныя наименованія: *глазикъ мой, свѣтикъ мой, сердце мое душа моя*. Мужья не ревнуютъ къ своимъ женамъ, но и не равнодушны, когда ухаживаютъ посторонніе. Бываютъ невѣрности со стороны женъ, коихъ по Корану вѣрно побивать камнями, какъ у древнихъ Евреевъ. Женщины ходятъ съ открытыми лицами и при встрѣчѣ не закрываются. Султаны и зажиточ-

(*) У Магометанъ тотъ всякой мулла, который знаетъ граммату и коранъ.

(**) Калымъ собственно значить подарокъ, но здѣсь разумѣется продажа. Такой обычай, т.-е. продавать невѣсть, господствовалъ у нашихъ предковъ, и онъ былъ всеобщимъ на востокъ. Теперь не искорененъ еще въ Россіи между кочующими племенами.

ные, слывшіе аристократами, не показываютъ своихъ женъ и смотрятъ за ними строго: чѣмъ болѣе строгости, тѣмъ болѣе неврности. Если мусульманка пожелаетъ видѣть кого, то она найдетъ возможность—и мужъ съ рогами.

Рожденіе дитяти сопряжено съ суевѣрнымъ пособіемъ. Когда женщина почувствуетъ приближеніе родовъ, тогда призываютъ колдуна или прорицателя къ облегченію страданій роженицы.—Обрѣзаніе совершается съ большою точностію, и этому особо изучивается мулла, который отправляетъ обрядъ, при чтеніи молитвъ, надъ дѣтьми отъ трехъ до десятилѣтняго возраста. Имена собственныя даютъ по произволу, даже неприличныя, оскорбляющія слухъ, но это у нихъ обыкновенное, житейское дѣло. Имена женщинъ скрываютъ, и если скажутъ, то совсѣмъ не то, какое онѣ носятъ. Я спросилъ у мужа имя его жены, которая въ это время, сидя у огня, выдѣлывала овчину; онъ отвѣчалъ мнѣ: нельзя сказать, грѣхъ: Макметъ (Магометъ) запретилъ сказывать; на томъ свѣтъ не признаетъ тебя жена. — Если грѣхъ, то пусть грѣхъ, отвѣчалъ я, по крайней мѣрѣ дозволю мнѣ посмотреть головной уборъ (повойникъ) твоей жены.—Нельзя бы, но ужъ для тебя, сказалъ онъ,—и велѣлъ своей женѣ развязать головную повязку и показать, какъ она складывается и навязывается. Не грѣхъ показывать джяуру (невѣрному), какъ убирается голова, а грѣхъ сказать ея имя, подумалъ я. Вотъ нравы! вотъ понятія! Да, у каждаго народа свои заблужденія, а у полудикаго неприличіе считается приличіемъ, негрѣхъ—грѣхомъ. Чтѣ у благовоспитаннаго оскорбило бы честь, то у кочующаго непонятно, какъ честь.

Покойника оплакиваютъ съ воємъ, особенно жены: онѣ даже обязаны плакать, кричать, царапать свое лицо и рвать на себѣ волосы, исчисляя достоинства своего мужа и его нѣжную къ нимъ любовь. Иныя жены оплакиваютъ его по утрамъ и вечерамъ—нѣсколько недѣль, предъ куклою, одѣтою въ платье умершаго.—Едва скончается мужъ, обмываютъ его тѣло, наряжаютъ или пеленаютъ и кладутъ на коверъ. Сходятся родственники, мулла прочитываетъ молитвы и восхваляетъ умершаго; потомъ несутъ его къ могилѣ, въ сопровожденіи плачущихъ женъ и шеста съ чернымъ платкомъ; на могилѣ снова читается молитва, и наконецъ погребаютъ. По возвращеніи домой прочитывается молитва за упокой. Поминки отправляются ими черезъ 40 дней, а важнѣйшими почитаются отправляемые черезъ годъ. На могилѣ ставятъ дерево, и если оно примется, то покойника признаютъ святымъ. — У могилъ я видѣлъ столбы каменные, раскрашенные и съ надписью въ похвалу умершаго.

Киргизы весьма преданы суевѣрію, и знахарей у нихъ бездна; имъ вѣрятъ до того, что думаютъ, что они въ состояніи сдѣлать сверхъестественное. У молодого ханскаго сына Сеитъ-Гирея я видѣлъ лошадь, родившуюся безъ хвоста, которая, будучи жеребенкомъ, выдѣлывала скачки въ родѣ паяца, перепрыгивая черезъ двѣ и три лошади. Киргизы, изумляясь ея искусству, видѣли въ ней силу демонскую, потому прибѣгнули къ чародѣямъ, чтобы заговорить ее. Не успѣвъ въ этомъ, суевѣры полагали, что вся причина ея ртзвостности въ томъ, что она безхвостая, потому настаивали, чтобы ей вырастить хвостъ. Въ этомъ все усиліе было тщетное, и колдуны сознались, что они не въ силахъ заставить демоновъ отдать хвостъ. —И впрямь такъ, сказали Киргизы, дѣло недостаточное! Демонъ не свой братъ.

Для меня показалось страннымъ, что Киргизы, преданные обману знахарей, прибѣгаютъ къ пособию живущаго въ ставкѣ врача, очень образованнаго и попечительнаго, А. Г. Пупорева, который хвалитъ ихъ точность въ исполненіи пріемовъ лечебныхъ.

Большая часть Киргизовъ руководствуется въ ночныхъ дорогахъ примѣтами созвѣздій. Полярная звѣзда *темиръ-казыкъ* (железный колъ) занимаетъ у нихъ первое мѣсто. Утренняя звѣзда называется *чубанъ-джулдусы* (пастушья звѣзда); Большая медвѣдица (*джиды-каракчи*), по ихъ мнѣнію, образована изъ семи волковъ, бѣгущихъ за двумя лошадьми—бѣлою (*акъ-бузатъ*) и сѣрою (*кутъ-бурзатъ*), и когда первая съѣстъ вторую, тогда наступитъ кончина міра. Млечный путь (*кушунъ-юлы*) называется птичьею дорогою, ибо думаютъ, что по нему перелетаютъ птицы изъ Европы въ Азію.—Плеяды или дикій баранъ (*иркаръ*), весною нисходитъ на землю и раститъ траву для скота.

Годъ считается съ марта, и первый его день называютъ новымъ годомъ (наурузъ). Мѣсяцы именуются по знакамъ зодіака. Пятница у нихъ (джюма или джума) замѣняетъ наше воскресенье. Названіе дней переняли у Персіянъ, — недѣля начинается съ субботы, а именно: *тембе* или *сембе* суббота, *джексембе* воскресенье, *дюсембе* понедѣльникъ, *сисембе* вторникъ, *сярсембе* среда, *бійсембе* четвертокъ, и *джума* пятница. Счисленіе года называется *гиджрою*, которая начинается со времени бѣгства Магометова изъ Мекки въ Медину, въ 622 году по Р. Х. Иногда считаютъ монгольскими кругами, состоящими изъ 12 годовъ, изъ которыхъ каждый носить названіе какого-нибудь животнаго. Вотъ имъ имена: первый годъ *сыкканъ* (мышій), второй *сыгыръ* (коровій), третій *джулбарсъ* (барсовый), четвертый *тугушканъ* (заячій), пятый *лу* (драконовый), шестой *джилянъ*

(зѣтинный), седьмой *джилька* (лошадиный), восьмой *кой* (по-монгольски хонгъ—бараній), девятый *пичинъ* (по-монгольски мечинъ—обезьяный), десятый *таукъ* (по-монгольски тако—куриный), одиннадцатый *итъ* (по-монгольски нохо—собачій), двѣнадцатый *дунгузъ* (по-монгольски гаха—свинный). Если припоминаютъ какое-либо произшествіе, то говорятъ: тому прошло уже четыре года собачьихъ, т.-е. 48 лѣтъ, или два года собачьихъ и шесть простыхъ, т.-е. 30 лѣтъ. День считаютъ отъ восхожденія до захожденія солнца. Протяженіе дороги измѣряютъ временемъ, на примѣръ: отъ такого-то мѣста до такого три дня ѣзды (верховой обыкновенной).

Киргизъ-Кайсаки говорятъ испорченнымъ татарскимъ языкомъ; есть слова непонятныя ни для Татарина, ни для Турка, которыя суть или монгольскія, или испорченныя китайскія. Читающій Алкоранъ и его объясняющій почитается мудрецомъ. Султаны мало чѣмъ отличаются мудростію отъ простолюдина, ибо почти всѣ, не зная грамоты, прикладываютъ къ бумагамъ свои печати, а письма и дѣла читаютъ муллы, которые и отвѣчаютъ на нихъ. О поэзіи народной я ничего не слыхалъ. Нѣкоторые изъ образованныхъ султановъ читаютъ ее въ турецкихъ, персидскихъ и арабскихъ стихотвореніяхъ. Музыки стройной не слыхалъ; гармоника, вездѣ проникшая, раздавалась по улицамъ Рынь-песковъ. Употребляютъ однако дикую степную: кобызы (въ родѣ скрипки) и чыбызы (дудки камышевы).

Холодъ и зной переносятъ кочующіе съ удивительною твердостію. Я видѣлъ мужчинъ въ степи съ открытою шеєю и грудью, почти въ одной рубашкѣ, но съ малахаемъ на головѣ, въ такое время, когда дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, шелъ снѣгъ, и только что въ пору шуба. Смотря на его тѣло, красноватое, закаленное непогодою, видишь какъ бы выдубленную кожу. Дѣти въ рубашенкахъ ползаютъ около огня, разгребаютъ своими рученками уголья удушливаго и зловоннаго кизяка (*), и не чувствуютъ, какъ обжигаютъ свои пальцы, прожигаютъ рубашенки до самаго тѣла, или же выбѣгаютъ полунагіе на просторъ, и дрожа всѣмъ тѣломъ отъ мороза, дуютъ въ рукавъ, висящій лохмотьями. При зноѣ, почти нестерпимомъ, валяются нагими по песку и жарятся на немъ. Мужчины и женщины только что не ходятъ лѣтомъ въ томъ видѣ, какъ мать-природа произвела ихъ на свѣтъ. Собаки, спутники и оберегатели кибитокъ, грызутся вмѣстѣ съ дѣтьми, особенно когда голодные отнимаютъ у нихъ маханъ. Приходилось видѣть, что изъ одного и

*) Навозъ сушеный, но въ ставкѣ ханской употребляютъ еще, вмѣсто дровъ, траву, называемую *курпекъ* или *кепекъ*, имѣющую корень толстой и растущую по песчанымъ буграмъ; выюкъ верблюжій продается 7 коп. сер.

того же казана (чугуннаго котла), въ которомъ готовится кушанье для семейства, хлѣбають и собаки. Во многихъ кибиткахъ кошки до того небоязливы, что спокойно расхаживаютъ по махану, и, мяукая, тащатъ на верхъ кибитки самый сытный кусокъ мяса. Собаки, увидя кошку, поднимаютъ вой, хозяйка кричитъ, дѣти бѣгаютъ вокругъ: брысь! брысь! но котъ васька слушаетъ да ѣстъ.

Проводя жизнь чисто животную, Киргизы не призадумаются убить кого-либо, особенно если замѣтятъ протѣзжаго съ состояніемъ. Многіе изъ нихъ не разсуждаютъ о послѣдствіяхъ, или думаютъ, бросивъ въ полъ трупъ, что не откроютъ виновнаго. Вотъ общество людей, живущее по природѣ! вотъ общество, коего ищутъ многіе, стремясь жить по природѣ! Послѣ этого осуждаютъ еще просвѣщеніе.

Ставка по своему заселенію среди сыпучихъ песковъ, куда едва проникала нога человѣческая, содѣлалась нынѣ весьма важнымъ и полезнымъ мѣстомъ, потому что она притягиваетъ къ себѣ кочующую орду, имѣетъ надъ нею надзоръ попечительный и сближаетъ нечувствительно полудикаря съ остьюстію. Едва протекла четверть столѣтія съ ея основанія, какъ уже нѣкоторые изъ кочующихъ начали заводиться домиками и землянками, строить хутора кибиточные, приучаться къ кося и сохѣ. Будущность, кажется, близкая, что кочевыя степи покроются селищами, и благотворная мысль водворить Киргизовъ, приводится незамѣтно въ исполненіе. При жизни хана управленіе было подвержено перѣдко личнымъ видамъ окружавшихъ его особъ, отъ чего народъ ропталъ; при немъ собираемыя подати хотя имѣли опредѣленное назначеніе, однако переходили въ другія руки и расточались безъ пользы; при немъ закете и сугумъ не только не подвергались никакой отчетности, но даже не было извѣстно, куда израсходовались и на что? Все было до такой степени произвольно, что ханъ терпѣлъ нужду въ средствахъ къ своему содержанію. Какъ прежде шло, такъ, думали, будетъ и нынче; но благодѣтельный начальникъ всего Оренбургскаго края, его высокопревосходительство Василій Алексѣевичъ Перовскій, обратилъ отеческую заботливость на орду, и въ короткое время все приведено въ точность. Здѣсь не у мѣста излагать бывшіе безпорядки: доволно сказать, что закете и сугумъ получили приращеніе, и, безъ сомнѣнія, еще увеличатся.

При видѣ удалства и нѣздничества Киргизъ-Кайсаковъ, приходитъ на мысль: не отъ Кайсаковъ ли получили проименованіе казаки? Спрашиваешь Киргизъ-Кайсака: кто ты?—Киргизъ.—А еще?—казакъ.—Онъ никакъ не назоветъ себя кайсакомъ, Русскіе же называютъ его *корсакъ*. Такое переименованіе имени даетъ поводъ

думать, что наши казаки суть по названію тѣ же Кайсаки. Пишутъ, что первые казаки явились въ Малороссіи въ половинѣ XIII вѣка, когда Бату, уничтоживъ Кіевъ, былъ причиною, что жители бѣжали изъ него, поселились у пороговъ днѣпровскихъ и проименовались Запорожцами. Извѣстно, что въ Грузіи были Цихи (Кайсаки) еще до Р. Х.; что они селились по всей Скиѣи, по рѣкамъ Днѣстру, Дону и Днѣпру; что однородцы ихъ именовались по разнымъ мѣстностямъ различно; что Кайсаки легко могли смѣшаться съ запорожскими поселенцами и передать имъ свое имя. Несторъ, описывая походъ тмутараканскаго князя Мстислава на косогаго (1) князя (въ 1022 году), говоритъ о Косогахъ, обитавшихъ по Дону, — не тѣ же-ли Кайсаки? Не такъ ли случилось съ происхожденіемъ имени Русскаго, когда Варяго-Руссы пришли къ намъ въ половинѣ IX вѣка, смѣшались съ Славянами Новгородскими и оставили имъ навсегда свое имя? Такихъ примѣровъ въ Исторіи очень, очень много. Переимчиваній же именъ народныхъ такъ много, что можно бы написать объ нихъ книги. Нерѣдко укоризненные названія обращались въ племенные, родовыя. Не прибѣгая къ указаніямъ на исторію народовъ, довольно сказать, что имя Малороссіянъ, въ наше время, можетъ послужить тому доказательствомъ. Издѣваясь надъ ними, говорятъ: вотъ идетъ хохоль, или: эй хохоль! поди сюда (2). Такъ назвать Малоросса настоящаго, онъ обидится, между тѣмъ въ Саратовской и Астраханской губерніяхъ хохоль сдѣлалось какъ бы достояніемъ родовымъ. Въ этихъ мѣстахъ я спрашивалъ иногда нарочито у Малороссіянина: кто ты такой? хохоль. — Кто ты родомъ? хохоль. — На какомъ языкѣ говоришь со мною? на хохлацкомъ. — Отъ чего же не говоришь по-малороссійски? я его не знаю. Однимъ словомъ, сколько я ни разспрашивалъ про нравы, обычаи, пѣсни, все это называютъ хохлацкимъ. Вотъ какъ измѣняются племенные наименованія! — Слова кайсакъ и казакъ такъ созвучны, такъ нечувствительны къ усвоиванію одного вмѣсто другаго, что проименованіе казаковъ скорѣе допустить можно отъ кайсаковъ, нежели отъ косы, козы, кобы, козявки и тому подобныхъ (3).

(1) Цихи и Косоги, у нашихъ предковъ, суть тѣ же Черкесы, и подъ этимъ именемъ извѣстенъ даже горскій народъ. Кайсакъ, безъ сомнѣнія, есть прибавочное къ Киргизу, какъ у многихъ народовъ бывало, напримѣръ: Варяго-Русъ и т. п., и кайсакъ по созвучію тотъ же казакъ (бездомный), и онъ такъ же могъ называться черкесомъ, по жительству на Кавказѣ.

(2) Хохоль значить по-малороссійски длинный чубъ.

(3) Казакъ татарское слово, и значить бездомный, бобыль. Въ одной рукописи конца XVIII в., хранящейся у меня и имѣющей заглавіе: *Извѣстіе о началѣ, учрежденіи и состояніи регулярнаго войска въ Россіи* и т. д.,

Оставляя доказывать другимъ начало проименования казаковъ, я обращаюсь къ своему предмету.—Изъ Рынъ-песковъ я отправился къ большой горѣ Богодо, по прежней однообразной степи, на коей долго не было видно ни хутора, ни землянки. Кой-гдѣ выказывались закопченныя кибитки, трава ковыль и солончакъ. Не добъжая горы Малаго Богодо, встрѣтилъ я у дороги дерево осокорь, коего стволъ въ обхватѣ около шести аршинъ и растетъ въ самомъ колодцѣ; вода его очень хорошая. Около черты Баскунчатскаго озера, разстилающагося у подошвы Большаго Богодо, почти во ста верстахъ отъ ставки, проявляются земли вспаханныя, и этимъ обязаны трудолюбиво Кара-Калпаковъ (черношапошниковъ). Они суть выходцы изъ разныхъ мѣстъ Россіи, смѣшались здѣсь съ Татарами, забыли свой языкъ и приняли магометанство. Трухменцы тунгуровскіе, Татары кундровскіе, Киргизы и частію Калмыки, обитаютъ около нихъ въ небольшомъ количествѣ. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ большой горѣ Богодо, тѣмъ земля солонцоватѣе и безжизненнѣе. Богодо виднѣется за нѣсколько верстъ; дорога къ нему пересѣкается оврагами и хребтами возвышенными. Издали вершина его гораздо заманчивѣе, нежели какъ на самомъ мѣстѣ. У самой подошвы растянулось соляное озеро Баскунчатское, имѣющее окружность 46, длину 18, а ширину около 9 верстъ. Богодо—камыцкое слово, значить *святый*, а *баскунчатъ*—татарское: *буса* ледъ и *кумъ* песокъ, ледъ-песокъ, и вѣроятно отъ того такъ проименовалось озеро, что поверхность его отъ соли представляется издали льдистою, и по ней ходятъ и ѣздятъ свободно, когда ропа (разсолъ) стоняется моряною (морскимъ вѣтромъ) (*). Соль же въ это время ложится зернистымъ пескомъ и отражается какъ кристалль; въ такомъ видѣ собирается она изъ-подъ

сказано, что баскакъ татарскій, правитель княжества Курскаго, призвавъ Черкесъ, въ 1282 году, населилъ слободы подъ именемъ казаковъ, которые занимались грабежами и разбоями, за что ихъ жилища были уничтожены кн. Олегомъ; но они, соединясь потомъ съ бѣглецами русскими, основали городъ Черказъ на р. Днѣстрѣ, въ память своего происхожденія, и посему имя черкесъ и казакъ сдѣлалось придаточнымъ въ землѣ украинской, ибо казакъ татарское слово и значить бездомнаго, бродягу или бобыля. Въ 1320 г. казаки поселились въ Переволочнѣ, потомъ на островъ Хорпицъ, за тѣмъ распространили свои жилища до р. Буга и Днѣстра, а наконецъ утвердились въ 1548 году выше Днѣпра и удержали за собою имя Запорожцевъ. с. 133 ид.

(*) Въ китайскихъ владѣніяхъ тянется цѣль горъ Тянь-Шань, между Туркестаномъ и старой Джангуріею; вершина цѣпи называется тамъ *Богдо-ула*. Богодо, какъ мы знаемъ, значить *святый*, а *ула* гора, поэтому гора Богодо.—У насъ два Богодо: Большое и Малое. Названіе Баскунчатскаго озера производятъ нѣкоторые отъ двухъ татарскихъ словъ: *башъ* голова, *куичакъ* сука, по этому озеро значить: *сучья голова*. Кажется, правильнѣе то производство, которое отъ *буса* и *кумъ*.

рапы.—Озеро это очень богато солью, но разработка приостановлена около тридцати лѣтъ тому назадъ; за всѣмъ тѣмъ при немъ живутъ корчемный засѣдатель, наблюдающій за корчемствомъ, соляной приставъ, коему ввѣренъ отрядъ казачій для его распоряженій, и офицеръ кордона казачьяго.

Появленіе на степи двухъ горъ Богдо весьма важно для естествоиспытателей: конечно, онѣ обязаны вулканическому происхожденію, и мѣстность, обнаруживающая солонцоватую почву, безъ сомнѣнія, была нѣкогда дномъ морскимъ.—Не лишне замѣтить здѣсь, что при озерѣ находятся соляныя грязи, которыя благотвительно помогаютъ многимъ больнымъ, даже зараженнымъ неизлечимыми болѣзнями. Свойство этихъ грязей то же самое, какое Элтонскаго солянаго озера.

Богдо устьянъ песчано-известковыми осколками, а бока съ одной стороны обложены красной глиною, которою Киргизъ-Кайсаки красятъ деревянныя вещи. Около вершины торчатъ камни, которыя срываются вѣтромъ и разбиваются. На срединѣ почти горы находятся норы, въ нихъ водятся рыжія лисицы. Лѣтомъ, отъ подошвы до вершины, все испещряется цвѣтами, и, какъ еще говорили мы, гнѣздятся между камнями большой величины змѣи и очень смиренныя. Высота горы около 150 сажень. Гора своимъ очертаніемъ представляетъ лежащаго льва съ поднятою головою, почему Калмыки называютъ ее *Арсланъ-ула*, левъ-гора. Окружность подошвы около 7-ми верстъ, а протяженіе горы около версты; всходъ на нее крутой и нѣсколько утомительный. Съ вершины открывается глазамъ, съ трехъ сторонъ, необозримая равнина, а съ четвертой соляное озеро.

Калмыки боготворятъ Богдо и кланутся имъ, какъ своимъ богомъ: да задавить меня Богдо! Изъ нихъ никто не смѣетъ взойти на вершину, чтобы не осквернить ея своими ногами. Они всходятъ молиться на уступъ предъ вершиною, и приносятъ въ жертву мелочь: лоскутки отъ платья, и, будто бы, бросаютъ деньги, но этого никто не видѣлъ. Нѣкоторые, описывая моленіе Калмыкъ, выдумали, что они не щадятъ для жертвы ни овецъ, ни коровъ, ни денегъ серебряныхъ и золотыхъ. Изъ старожиловъ никто не слышалъ объ этомъ, какъ я ни разспрашивалъ (*).

(*) Нетѣдьевъ (Подроб. свѣд. о волжск. Калмыкахъ. С-Пб. 1844 г. с. 5) говоритъ, что часть Богды южной покрыта слоями гипса и алебаstra, и что Калмыки оставляютъ на поверхности, въ видъ жертвъ, деньги, разныя вещицы и даже каменья. Осматривая самъ гору, я нашелъ на ней одну песчано-глинистую породу, имѣющую видъ известки, не похожей ни на гипсъ, ни на алебастръ, а денегъ я не видалъ, только валялись кусочки камешковъ, клочки шерсти и перья.—Преданіе же о происхожденіи Богдо, излагаемое мною, нѣсколько противорѣчитъ извѣстію г. Нетѣдьева.

О происхожденіи Богдо сохранились у Калмыковъ разныя преданія, изъ коихъ любопытнѣе слѣдующее. Три святые брата, отправившись изъ Китая, несли на себѣ гору: дошедши до этихъ мѣстъ, разделились на двѣ стороны: меньшой отнесъ свою гору на то мѣсто, гдѣ нынѣ Малое Богдо, въ 40 верстахъ отъ Большой, поставилъ и успокоился подъ нею на вѣкъ; старшій и средній тоже поставили, гдѣ теперь Большая Богдо, но какъ средній согрѣшилъ во время дороги, то она раздавила его, и потекла съ него кровь, коей слѣды суть бока красной глины; старшій же тихо успокоился подъ нею. Во время одного обѣда старшій плеснулъ похлебкой, и отъ нея образовалось соляное Баскунчатское озеро. — Калмыки твердо увѣрены, что въ нѣдрахъ горы живетъ змѣй съ золотыми рогами (драконъ китайскій), что это есть богъ невидимый, котораго видятъ одни праведные. — Нѣкоторые рассказываютъ еще, что при дуновеніи вѣтра носится на вершинѣ глухой звукъ, отзвывающійся стenanіемъ людей и переходящій иногда въ крикъ человѣческихъ голосовъ; что въ одной изъ глубокихъ норъ живетъ горный духъ *Цаганъ-эбугенъ* (бѣлый старикъ). — Глухой звукъ и стenanіе подали поводъ думать суевѣрнымъ, что это происходитъ отъ Цаганъ-эбугена. — Восточный вѣтеръ, выходя изъ ущелій, разносится по вершинѣ и полю со свистомъ, особенно въ осенніе, сумрачные дни, — вотъ происхожденіе суевѣрія.

Насупротивъ солянаго озера расположено небольшое озеро Хара-усунъ (черная вода), имѣющее окружность около версты (*). Внутри его прѣсная вода, а посрединѣ водоворотъ, такъ что, чтѣ ни попадаетъ сюда, все гибнетъ. Въ шести верстахъ отъ Хара-усунъ сѣрный ключъ; близъ Богдо, съ юго-восточной стороны, горячая въ кускахъ сѣра. Въ 80 верстахъ отъ Богдо возвышенность Чипчичи (**), имѣющая каменную соль; при ломкѣ ея разбиваются топоры, посрединѣ небольшое съ рапою озерко Чапчали или Чипчачи въ окружности около шести, а въ длину полторы версты; оно на предѣлахъ трехъ владѣній: калмыцкихъ, киргизскихъ и кундровскихъ Татаръ (Енотаевского уѣзда, Астраханской губерніи). Въ 45 верстахъ отсюда лежитъ Батарбекское соляное озеро и много другихъ небольшихъ озеръ, которыя, какъ думаютъ, имѣютъ подземное сообщеніе

(*) Хара-усунъ называется по-калмыцки, а Татары зовутъ Кулабѣ: *кула* саврасый, а *бѣ* лошадь. Говорятъ, что въ этомъ озерѣ потонула когда-то саврасая лошадь.

(**) Трудно опредѣлить правильный выговоръ: иные называютъ Чапчачи, Чипчачи, Чипчачы, Чапчачи, Чипчачи, Чипчачи.

съ озеромъ (Шаревскаго уѣзда) Элтонскимъ, отстоящимъ отъ нихъ въ 400 верстахъ (*).

Съ Богодо развѣтывается чистая и гладкая степь, усаженная ковылемъ, столь грустно припѣваемымъ въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ. На тридцативерстномъ протяженіи мнѣ казалась пустыня, и верстѣ за шесть передъ селеніемъ Болхуны (Черноярскаго уѣзда) появились вспаханныя поля, а тамъ стоги сѣна и скирды хлѣбныя. Сердцу стало легче отъ этихъ признаковъ осядлости.—Селеніе Болхуны весьма многолюдное и богатое, заселено малороссійскими выходцами.

(*) Объ Элтонскомъ озерѣ помѣщено мною въ Журн. Мин. Внутрен. Дѣлъ, въ 1845 г., въ 9-й части, ст. 289.—На Баскунчатскомъ озерѣ сохранилось живое преданіе о нѣжности родителей къ двумъ сынкамъ. Я сказалъ живое преданіе, потому что излагаемое происшествіе не превышаетъ двѣнадцати лѣтъ. По примѣрной любви къ недорослямъ, родители занялись на 22-хъ-лѣтнемъ ихъ возрастѣ, тѣмъ лишь, чтобы научить грамотѣ. Но маменька ихъ, разсудивъ потомъ представить ихъ свѣту, озаботилась дать нѣсколько уроковъ, какъ входить въ гостинную, кланяться, шаркать и подходить съ глубокимъ почтеніемъ къ рукѣ дамской. Нарядившись въ широкое съ шлейфомъ платье, она украсила голову свою высокимъ чепцомъ, убраннымъ разноцвѣтно-пестрыми и красными лентами, натянула на руки шелковыя бѣлыя перчатки, сѣла въ уголь комнаты и представляла барыню, къ коей должны были подходить сынки, лишь для примѣра. Во время упражненія въ этомъ дѣлѣ, пріѣхала неожиданно гостья, которая съ изумленіемъ встрѣтила стоявшихъ у дверей гостинной, двухъ сынковъ, рослыхъ какъ гайдуки, и дюжихъ какъ бурлаки; они, не поклонившись ей, хотя только что шаркали, сказали: матушка, войдите, наша матушка разыгрываетъ невѣсть-что и учить насъ чему-то басурманскому. Невѣжи! болваны! закричала на нихъ маменька, кланяйтесь гостьѣ, давно ли учили васъ? Шаркните, ну вотъ такъ, ну такъ.—Видите, сударыня, обратилась она къ пріѣзжей, я учу ихъ, какъ образованнымъ молодымъ людямъ должно стоять, держать себя прямо, уметь подойти къ рукѣ, и чтобы яснѣе, вразумительнѣе было для нихъ, представляю себя, будто я имъ чужая.—Ну подходите, сказала она имъ, цѣлуйте ручку у дамы, тутъ и поклонъ отдайте.—Гостья не могла не замѣтить, что нынче не подходить уже къ ручкѣ; что прежде слѣдовало бы позаботиться объ образованіи, что.... Маменька перебила ея слова и сказала: милая моя! мои сынки воспитаны довольно хорошо, къ довершенію ихъ образованія недоставало свѣтской ловкости, развязанности, вотъ почему я сама приняла на себя обязанность учить ихъ *реверансамъ и церемональнымъ комплиментамъ*. Какая мать пожелаетъ, чтобы дитя было невѣжа, а тѣмъ болѣе я!—Любуясь ими, она поѣхала въ Астрахань похвалиться ихъ свѣтскостію, коей только и не доставало.—Послѣ этого скажутъ, что нѣтъ уже недорослей! Увы! не совсемъ такъ: есть мѣста въ отдаленныхъ губерніяхъ, гдѣ можно найти изобильный источникъ для комедій и уродливыхъ пснѣній объ образованіи. Я знаю одно помѣщичье семейство очень богатое, которое не позаботилось обучить русскому письму своихъ дочерей, боясь, чтобы онѣ не переписывались съ любовниками, и таковыхъ же сынковъ, считающихся *двордичиками*.

Тѣ же хаты съ соломенными кровлями, полы смазанные глиною, стѣны бѣленыя, и то же простодушное природное (*).

Направивши свой путь изъ селенія по теченію луговой стороны Ахтубы, я видѣлъ берега ея, такъ сказать, усыпанные селищами: хутора, деревни и селенія восхищали глазъ и веселили душу; дѣятельность кипѣла повсюду.—Давно ли была степь? Не болѣе сорока лѣтъ, а теперь она превратилась въ многолюдную страну. Люди здѣшніе спорятъ уже о земляхъ, имъ стало тѣсно. Киргизъ—Кайсаки и Калмыки, прежніе господа луговой полосы, вытѣснены отсюда рѣшительно; не знавшіе предѣла своему своеволію, они думали, что

(*) Остановившись въ одной богатой избѣ, я нашелъ, въ сосѣдствѣ съ нею, разгульное море: пѣсни, пляска и скрипка кипѣли во всемъ разгарѣ. Полагая, что это свадьба, я пошелъ посмотреть ея, но это было мировое угощеніе сватовъ, по забавному случаю. Сватъ малоросійнинъ выпросилъ у своего свата земляка малолѣтняго его сына, съ тѣмъ, чтобы онъ за воспитаніе его былъ ему вмѣсто сына и почиталъ бы его за отца. Такъ согласились.—Онъ воспиталъ, женилъ его и надѣлилъ состояніемъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы, онъ оставилъ нареченнаго своего отца и перешелъ въ домъ настоящаго, бывъ имъ сманенъ. Нареченный вошелъ съ жалобою въ громадскую (расправу), которая приговорила, чтобы отецъ заплатилъ ему за все время воспитанія его сына, возвратилъ бы расходы по свадьбѣ и приданое; но какъ нечѣмъ было заплатить, то пріятели совѣтовали просить у него мировой, которая состояла въ томъ, чтобы онъ съ сыномъ и невѣсткою поклонились ему въ ноги три раза. Онъ долго не соглашался, но убѣжденный совѣтами, явился къ нему съ своими дѣтьми; однако не снялъ шапки предъ нимъ и не поклонился. Нареченный отецъ, стоявшій важно съ палкою въ рукахъ и съ шапкою на головѣ, ожидалъ поклона; увидѣвъ же, что тотъ не думаетъ, сказалъ ему: эй свате! пожѣ думаешь? поклонись въ ноги тричи, такъ все забуду—тай Богъ съ тобою!—Ни, оце (вотъ) не буде, отвѣчалъ онъ.—Якъ не буде, такъ заплати мени гроши, бо я сгодовавъ (вскормилъ) и оженывъ іего.—Такъ же выдайся (вѣдайся) съ нимъ, сказалъ отецъ.—Якъ же мени выдаться съ нимъ, колы ты іего сманывъ. Свате, поклонись!—Оце не буде.—Не буде, такъ не хай (пусть) твій сынъ по прежнему останеся у мене.—Не хай винъ кланяеця, сказалъ отецъ.—Та оставъ, пане свату; бачъ, оце разъ, два и тричи (постукивая палкою, говорилъ онъ); поклонись, кажу поклонись.—Тотъ хотѣлъ было, потомъ раздумалъ и снова заупрямился.—Якій же ты свате! чы довго тобі поклонія: оце разъ, два и тричи, та обнимемся и поцѣлуемся.—Послѣ этого начали уговаривать отца и грозили, что если не помирится, то оставить и отдать его подъ судъ. Съ трудомъ уговорили, и онъ, снявъ шапку, сказалъ: глядите, міряне и вся громада честная.—Онъ поклонился въ ноги, а тотъ, постукивая палкою за каждымъ поклономъ, приговаривалъ съ самодовольствіемъ: оце разъ,—добре (хорошо); оце два, добре; оце тричи, добре. Ну буде, свате.—Онъ обнялъ его и поцѣловались. То же самое сдѣлали его дѣти.—Благодареніе Богу, все кончено между нами, сказалъ нареченный отецъ; ходимо же ко мни, та выпьемъ по стаканчику зеленчака.

ихъ степи останутся на-всегда дикими, какъ они сами.—По возвращеніи моемъ въ избу, я засталъ въ ней мальчика, сильно плакавшаго и просившаго у матери поѣсть. Какъ онъ не хотѣлъ ѣсть палиницы (пшеничнаго хлѣба) и все плакалъ, то она грозила побить его; онъ не унимался. Разсерженная этимъ мать закричала: оце вередливый бисивъ сынъ! чего хочешь? Ишь!—Не хочу, сказалъ онъ.—Чего же хочешь? — Дай мени мясца (а это былъ постный день, соблюдаемый строго Малороссіянами).—А бусурмане, католику! вскрикнула она на него, якъ же можно! теперь только ѣдятъ паны та собаки.

Отъ Болхуновъ до городка Селитряннаго, на протяженіи 118 верстъ (*), постоянно измѣняется мѣстность: то виднѣются вдали холмики, въ родѣ кургановъ; то отлогія песчаныя возвышенности, омываемыя Ахтубой, которая живописно окаймляетъ деревни и селенія. Михайловка мнѣ понравилась красивымъ мѣстоположеніемъ: она на косогорѣ, а внизу ея плещетъ Ахтуба, та самая, которая своими водами напавала некогда Золото-ордынцевъ. Съ Саскели или Сасыкальскаго, расположеннаго на горѣ, примѣчаются уже слѣды древнихъ жилищъ Монголо-Татаръ; въ семи верстахъ, выше его, выходитъ изъ Ахтубы рѣчка Шулукъ (**), который мѣстами пересыхаетъ совершенно, а онъ при владычествѣ татарскомъ послѣ на своемъ хребтѣ торговля суда и воинственныхъ наѣздниковъ, отважно бросавшихся вплавь на своемъ послушномъ конѣ. Шулукъ обгибаетъ нѣкоторыя селенія, извивается подъ Селитряннымъ, предъ коимъ увертывается какъ змѣя, послѣ разстилается узкой тѣсною между возвышенностями и впадаетъ подъ ихъ прикрытіемъ въ Ахтубу.—Что касается до заселенія Саскелей и Харабалинскаго или Гарбалей, то въ нихъ водворены пришельцы изъ Воронежской и Тамбовской губерній, а Тамбовка одними выходцами тамбовскими; всѣ эти мѣста, за тридцать лѣтъ тому назадъ, были необитаемы, и долго никто

(*) Отъ Болхуновъ до Пироговки 18 верстъ, отъ Пироговки до Золотушинскихъ хуторовъ 8 верстъ, отъ Золотушинскихъ хуторовъ до Михайловки или иначе Волочайки 25 верстъ. Волочайка прозвана въ насмѣшку, потому что поселенцы ея имѣютъ тяжбу по землямъ, со времени заселенія ихъ. Отъ Михайловки до Саскелей 12 вер., отъ Саскелей до Гарбалей, или Карбалей или Харабалинскаго 25 вер., отъ Гарбалей до Тамбовки 12 вер., отъ Тамбовки до городка Селитряннаго 18 верстъ.

(**) Правильное названіе его *Ашулукъ*, татарское слово, значить—горькая вода; обтекаетъ Саскели, Карбалей, Тамбовку, и впадаетъ подъ Селитряннымъ въ Ахтубу; потомъ выбѣгаетъ изъ нея снова, впадаетъ опять въ нее подъ Хожатаевкою, селеніемъ татарскимъ, отстоящимъ отъ Селитряннаго въ 70 верстахъ; всего теченія его 163 версты. — Хожатаевку называютъ иные Кагатаевкою и Чагатаевкою. Хожатаевка и Сентовка—два обширныя селенія кундровскихъ Татаръ, въ коихъ считаютъ до 800 дворовъ.

не рѣшался селиться, ибо толпы бродившихъ полудикарей грабили и убивали, тамъ же скрывались ватаги разбойниковъ, нынѣ кипить народъ и живутъ мирные обитатели. Съ Саскелей едва видны, по крижу горъ, остатки отъ татарскихъ зданій; въ буграхъ и насыпяхъ попадаются кирпичъ и голубые изразцы. — Домики и хозяйственные постройки прикрыли ихъ собою. Находимыя вещи и мѣстность именуются въ народѣ *мамаевскими*. Изъ Тамбовки идетъ дорога въ Селитрянный то чрезъ горки и долины, засыпанныя пескомъ, то чрезъ тощія поля, усаженные кустами полыни и колючки. Чѣмъ ближе къ городку, тѣмъ болѣе увеличиваются пески; предъ самымъ селеніемъ торчатъ бугры развалинъ, свидѣтельствующіе собою мѣстопребываніе Татаръ, и это мѣсто долгое время было спорнымъ: нѣкоторые доказывали, что тутъ Сарай, столица Дештъ-кипчакскаго царства.

Слѣды явственныхъ, неопровергаемыхъ жилищъ, тянутся по лѣвому берегу Ахтубы и Шулука. Между рытвинами и природными холмами разметано древнее селище, коего имени никто не знаетъ; по буграмъ и всей мѣстности валяются кирпичи. Бугоръ, называемый въ простонародіи Маяковымъ и стоящій надъ берегомъ Шулука, открываетъ прекрасный видъ на окрестныя поляны; напротивъ поднимаются ряды кочурокъ (*), за ними красный бугоръ, самый возвышенный, получившій такое имя отъ глины красноватаго цвѣта; вся мѣстность усеяна остатками развалинъ. За Маяковымъ тянется новый рядъ бугровъ, внутри коихъ находили стѣны, мозаичскіе изразцы и глиняную посуду. На пятиверстномъ протяженіи разбросанъ мелкій кирпичъ, и весь городокъ представляетъ кучу безобразныхъ разрытій (**).

(*) Этимъ именемъ прозваны здѣсь рытвія мѣста, и кочурка значить здѣсь яма.

(**) Селитрянный, отстоящій отъ Астрахани во 105 верстахъ, получилъ такое названіе отъ бывшаго здѣсь завода селитряннаго, устроеннаго въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Первый заводчикъ былъ астраханскій купецъ Кобяковъ, который приготавливалъ селитру изъ костей человѣческихъ и разныхъ животныхъ, отрываемыхъ имъ изъ развалинъ: доселѣ остались кучи золы. По окончаніи бывшаго завода остались двѣ обрушенныя башни и двѣ почти сравнявшіяся съ землею. Тутъ было укрѣпленіе, и старики разсказываютъ, что, за пятьдесятъ лѣтъ передъ симъ, отцы ихъ застали цѣльныя оберегательныя башни, на коихъ находились пушки, присланныя правительствомъ для охраненія завода и жителей отъ набѣговъ бездомныхъ обитателей; при заводѣ находился для защиты казачій кордонъ, который отсюда былъ растянутъ по Ахтубѣ и Волгѣ къ Царицыну, отъ него мимо посада Дубовскаго до Камышина (Саратовской губерніи), и потомъ въ степь до хребта Уральскаго. Теперь находится кордонъ въ Селитрянномъ, близъ Богодо и въ Рынь-пескахъ; въ прочихъ мѣстахъ имѣть уже въ немъ надоб-

Ахтуба, подмывая въ полуую воду курганы, вымываетъ кирпичи, монеты, кости человѣческія и разныя вещи, уносить съ собою и оставляетъ потомъ въ отдаленныхъ краяхъ. Какъ между буграми Краснымъ и Кочурками всего болѣе насыней и кургановъ, образовавшихъ изъ себя какъ бы одну слитую кирпичную площадь, то можно думать, что здѣсь должны быть древности. Есть насыни и бугры, повидимому, не тронутые. Если произвести раскопку правильнымъ образомъ, то, можетъ быть, откроются вещи замѣчательныя. Разносятъ слухи о прежде находимыхъ серебряныхъ и золотыхъ древностяхъ, и если вѣрить молвъ, то были тамъ найдены, во второй половинѣ XVIII вѣка, два серебряные гроба, и потому нѣкоторые изъ ученыхъ заключили, что тутъ было ханское кладбище. За 25 лѣтъ предъ симъ былъ открытъ женщиною кувшинъ, какъ говорятъ, съ золотыми деньгами; за четыре года предъ симъ отрыли въ родѣ комнаты, съ обвалившимися дверями, имѣвшей видъ внутренней кибитки; въ срединѣ находился кувшинъ. Нынѣшней весною (1851 года) пайдепъ кувшинчикъ съ серебряными деньгами, и такихъ кувшинчиковъ отрывали прежде довольно; были также откопаны золотыя монеты; попадались серебряныя и золотыя перстни. Я самъ видѣлъ сердоликовый перстень. Лѣтъ двадцать предъ симъ нѣкто нашелъ блестящій и большой величины камень, который былъ имъ проданъ за семь-сотъ руб. сер. — На поверхности ровной я встрѣчалъ очень много битой глиняной посуды, металлическіе слитки, осколки дикаго камня, голубыхъ изразцевъ и перламутровыя раковины. Мнѣ показывали два прекрасныхъ мозаическихъ изразца, недавно отрытыхъ. При разсматриваніи разбитой въ мелкіе куски посуды, я спросилъ у одного простолюдина: для чего бьете ее? не лучше ли хранить на память? — Это нечистое мамайское, отвѣчалъ онъ, и рассказалъ мнѣ, что при отрытіи кувшина или другой какой-либо вещи, нашедшій долженъ перекреститься и произнести: *съ нами крестная сила!* и потомъ разбить: тамъ сидитъ злой духъ Мамай!

Послѣдніе пушки были сняты казачьимъ Сыроглазовскимъ кордономъ и еще въ 1837 году лежало на дворѣ одного обывателя шесть пушекъ. Онѣ были чугунныя и одинаковой величины: въ длину 2 аршина, въ поперечникъ у горла 5 вершковъ. Въ то же самое время были взяты сыроглазовскими казаками котлы чугунныя большой величины, въ конхъ приготавливали селитру, и оставили на память городку три якоря, лежащіе на берегу Ахтубы. Нѣкоторые, не видѣвшіе городка, утверждали, что эти башни суть остатки отъ укрѣпленій золото-ордынскихъ, что ими доказывается древность городка, что тутъ былъ сарай, основанный Бату, первымъ ханомъ Золотой орды; что на эту мѣстность указываютъ Рубрукъ и Плано-Карпини, бывшіе въ ставкѣ ханской и посланные сюда—одинъ королемъ французскимъ, а другой папою.

При поверхностномъ даже разсматриваніи развалинъ городка, нельзя сравнить ихъ съ царевскими; первыя помѣщаются на протяженіи не болѣе пяти, а вторыя на двадцати верстахъ; первыя не имѣютъ ни каналовъ, ни озеръ искусственныхъ, а вторыя испещрены ими и въ большихъ размѣрахъ; первыя не имѣютъ въ такомъ множествѣ насыпей и кургановъ, а вторыя были унижены ими. Самое величіе царственнаго города не могло помѣщаться на такомъ маломъ пространствѣ, на какомъ расположенъ Селитрянный; между тѣмъ какъ одно обширное протяженіе царевскихъ развалинъ изобличаетъ столицу могущественныхъ владѣтелей Золотой Орды. При всей сравнительно незначительной мѣстности городка, нельзя быть равнодушнымъ къ его положенію. Хотя нѣсколько монетъ мѣдныхъ и серебряныхъ, переданныхъ мнѣ, тѣ же самыя, какія отрывались мною въ Царевѣ, однако онѣ невольно увлекаютъ къ изслѣдованію. Кто знаетъ, чтѣ найдется! Можетъ быть, этотъ кирпичный холмъ, или тотъ, который засыпанъ пескомъ, скрываетъ рѣдкость. Можетъ быть!...

АЛЕКСАНДРЪ ТЕРЕЩЕНКО.

12 августа 1853 года.

Деревня Александропольская,
Екатеринославскаго уѣзда.

ИЗЪ ПЯТИГОРСКА. Важнѣйшею новостію лечебной поры этого года, на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, было то, что Ермоловскій, одинъ изъ важнѣйшихъ, и Николаевскій ключи изсякли, и пользованія ими, по этому, не было. Изсякли ли они навсегда и совершенно, или только временно, — это неизвѣстно. Были и прежде случаи подобнаго изсяканія, но только временныя. Нарзанъ, напротивъ, какъ замѣтили нѣкоторые, усилился.

Стеченіе больныхъ было теперь почти такое же, какъ и въ прошлыхъ годахъ. Въ числѣ посѣтителей было и семейство Иловайскихъ.

ИЗЪ ОДЕССЫ. Погода стоитъ у насъ предурная: дождь, туманъ, грязь, сырость воздуха и слякоть. Иностранныхъ судовъ въ гавани множество. Торговля не прекратила своихъ дѣйствій. Цѣны на рынкѣ: овесъ по 10 р. сер. за четверть, дрова по 35 р. сер. за трехполѣнную сажень, 100 большихъ кочановъ лучшей капусты 9 руб. серебромъ, а средняго качества 6 р. сер.; возъ сѣна отъ 10 до 12 руб. серебромъ.